

алина
знаменская

*Колыбельная
для Волчонка*

Алина Знаменская
Колыбельная для Волчонка

«АСТ»

2001

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

Знаменская А.

Колыбельная для Волчонка / А. Знаменская — «АСТ», 2001

ISBN 978-5-17-111681-1

Судьба — капризная дама... Она ради собственной прихоти сводит людей друг с другом, чтобы развести. Но иногда... — а почему бы нет?! — устраивает новую встречу. Автогонщик по прозвищу Белый Волк встречает молодую женщину Ирину и ее маленького сынишку на юге. Когда-то их мимолетное знакомство оставило в его душе привкус горечи и надежды. А в ее... удовольствие от реализованной мечты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111681-1

© Знаменская А., 2001
© АСТ, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алина Знаменская

Колыбельная для Волчонка

Глава 1

– Антошка! Тебе пора на берег!

Крик матери потонул в гомоне и визге купающихся, а белокурый мальчик лет четырех, счастливо улыбаясь, продолжал азартно загребать ручонками соленую морскую воду.

Большой надувной круг с головой черепахи, казалось, только сдерживал ребенка – столько в нем было веселой энергии детства, неясных стремлений и открытого восторга. Мать поднялась с шезлонга и помахала рукой, призывая сына на берег. Мальчонка покрутил головой и залился озорным смехом, удаляясь от матери на своей черепахе.

Женщина вошла в воду и через минуту уже тащила черепаху со смеющимся озорником на берег.

Свечников потянулся всем телом так, что хрустнули суставы, надвинул на глаза кепку от солнца, перевернулся на спину. Отдыхать порядком надоело. На море он провел всего неделю, но... И белый корпус санатория, и прекрасные магнолии, и само море, и безделье с каждым днем все острее вызвали в нем непонятный нарастающий протест. Как бы он хотел хоть разок испытать ту звонкую щенячью радость от общения с морем, солнцем, гладкими камушками, которую так ярко переживал сейчас светловолосый мальчик.

Сергей Свечников добросовестно покопался в душе, пытаясь отыскать хоть что-то похожее на подобное чувство, хоть отблеск его за последние несколько лет, и не нашел. От этого открытия ему стало не по себе. Он почувствовал острую необходимость найти оправдание своему настроению. Возможно, его вывела из равновесия последняя травма? Еще бы! Провалиться с переломом битых два месяца! У кого угодно нервы сдадут. Какие уж тут радости! Самое обидное, что из-за этой травмы он не попал на престижнейшие гонки в Европе. Команда уехала без него. Он же вынужден загорать еще с месяц, прежде чем приступить к серьезным тренировкам... Ну, допустим, травма. А раньше? Что же его волновало и радовало последний раз? Покупка новой машины? Победы на гонках? Какой-нибудь из романов? Свечников невольно поморщился. Романы с женщинами обычно интересны только в начале. Пока она для тебя загадка и не изводит телефонными звонками, а только терпеливо ждет, пока ты сам позволишь. Когда же роман становится пресным и ты понимаешь, что он подошел к завершению, он напоминает потерявшую вкус жвачку, которую не знаешь куда выплюнуть в общественном месте.

Сергею стало тоскливо. Конечно, есть еще спорт. Победы на гонках – это особая статья. Они пробуждали в Свечникове чувство сродни опьянению. Но даже законные награды за труд, пот и азарт не вызвали в нем последнее время того упоения победой, как в юности. Свечников тщетно искал в душе отголоски молодой бесшабашной радости. Ее не было.

...Спину стало припекать. Он сел на лежаке и непонятно почему сразу нашел глазами светловолосого мальчугана. Тот с аппетитом ел банан, хлопая ресницами и серьезно слушая мать. Она что-то внушала сыну, очищая кожу по мере того, как он ел. Свечников встал и пошел к морю. Мальчик с завистью проводил его глазами.

Свечников долго плавал, нырял, лежал на воде, раскинув руки. Когда возвращался – встретился глазами все с тем же мальчиком. Малыш потихоньку топал от шезлонга, где, видимо, задремала его мать. На этот раз он шел без своей надувной спутницы черепахи.

Сергей остановился и стал наблюдать. Мальчик вбежал в воду и замер, ожидая волны. Ждать пришлось недолго – волна ласково обняла его за колени, и он присел в нее, подпрыгнул

и опять присел, шлепая ладошками по белой пене. Мальчик оглянулся и, поймав взгляд Свечникова, просиял, приглашая разделить радость. Сергей улыбнулся в ответ и остался стоять, наблюдая за мальчиком.

В воде плескалось полно детей – они играли в мяч, брызгались, визжали, ныряли. Мальчик не стремился в компанию. Его занимало море само по себе, он играл с ним, как с живым существом. Мальчик потихоньку заходил в воду, хлопая ладошками по теплой поверхности, подпрыгивал, пытался лечь грудью на синюю гладь, махал ручонками, падал, барахтался и вдруг – поплыл. У Свечникова екнуло в душе – плывет!

Мальчик просиял восторгом, обернулся, ища глазами мать, не нашел ее, понял, что Свечников смотрит на него, поймал его понимающий взгляд и залиvisto рассмеялся. На секунду он остановился. Постоял и повторил это упражнение, безумно радуясь новому умению.

– Мама! – позвал малыш, продолжая плыть по-собачьи. Как ему хотелось поделиться радостью!

– Антошка! – Испуганный крик матери резанул слух.

Ребенок обернулся. Открыл рот, конечно, тут же хлебнул соленой теплой воды, закашлялся и, моментально потеряв уверенность, стал испуганно барахтаться, нащупывая ногами дно. Свечников шагнул было на выручку, но женщина, бледная как полотно, опередила его. Метнувшись молнией, она подхватила мальчика, подняла его над водой. Ребенок обвил мать руками и ногами, как маленький коала – ствол эвкалиптового дерева.

– Я плыл, ты видела? Ты видела? – Стуча зубами, повторял мальчик. Женщина шла, судорожно сжимая ребенка, отрешенная, как сомнамбула.

«Все испортила! – раздраженно подумал Свечников. – Он уже плыл! Зачем понадобилось орать? Могла бы потихоньку зайти в воду и поплыть рядом с ребенком. Типичная истеричка! Приучит ребенка бояться воды. Где еще можно так легко научиться плавать, как не на море?»

Свечников прошел к своему лежаку и взял газету. Но читать не смог – раздражение уже обжилось внутри и теперь неприятно щекотало нервы. Как можно быть такой клушей? Если ты взялась воспитывать мальчика, то уж по крайней мере думай о нем как о будущем мужчине! Ведь он не сможет без конца держаться за чью-то юбку. Он должен лазать по горам, драться, гонять на коньках и тому подобное!

Сергей посмотрел на мать с сыном из-за газеты, повинуюсь какой-то непонятной силе. Так и есть! Как он и предполагал, мамаша в панике уводит сына с пляжа! Она уже насухо вытерла малыша полотенцем и теперь одевала его, торопливо целуя в щеки и теплые ладошки. Когда с шортами и футболкой было покончено, мать натянула сыну на ножки полосатые носочки и, наконец, обув его в джинсовые тапочки, быстро поцеловала в мягкие ямочки коленок. Малыш засмеялся и на секунду прижал материнскую голову к своему животу. Затем они сложили полотенца, бутылку с газировкой и сдутую черепаху в плетеную сумку и, взявшись за руки, пошли прочь с пляжа.

Ни читать, ни загорать больше не хотелось. Сергей взглянул на часы и стал одеваться. До обеда еще целых два часа, а он уже не прочь подкрепиться. «Только один чебурек», – пообещал Сергей Свечникову-второму, который был незримой тенью Свечникова-первого и отвечал за дисциплину. Свечников-первый был еще тот повеса, но его уравнивал Свечников-второй.

Вообще-то раньше Сергей не замечал в себе склонности к полноте. Ел сколько хотел, всегда оставаясь легким и поджарым. Но после травмы и вынужденного длительного отдыха он заметил некоторую прибавку в весе. Придется покорпеть на тренажерах. Гонщику лишние килограммы ни к чему.

Поднявшись по каменной лестнице к чебуречной, он отметил, что народу здесь пока немного, выбрал столик на открытой веранде, откуда хорошо было видно море, и сел. Он с удовольствием отхлебнул ледяной колы и стал отрешенно смотреть в морскую даль, позволив себе ни о чем не думать или думать ни о чем. Из состояния такой своеобразной задумчивости

его вывел знакомый детский лепет, и Сергей сразу узнал своего пляжного знакомого. Мальчик и его мать тоже, видимо, пришли пообедать и теперь сидели недалеко от Сергея, вели беседу. Мать что-то говорила ребенку, а тот очень смешно слушал, распахнув свои карие глазенки и открыв нежный маленький ротик. Когда мать замолкала, мальчик начинал лепетать, и голосок звенел как колокольчик. Мальчик сидел к Свечникову лицом, а мать спиной, и Сергей волея-неволей стал наблюдать за ними, поедая свой чебурек.

Свечников подмигнул ребенку, тот на секунду замер, хлопая ресницами, а потом, узнав Сергея, разулыбался и тоже попробовал подмигнуть. Но не сумел, а только сильно зажмурил оба глаза сразу. Официант принес им заказ, и они начали обедать. Мальчик уцепил в кулачок ложку и стал сосредоточенно есть суп. Мать взяла кусок хлеба, разрешила его ножиком на маленькие квадратики и разложила их на тарелке перед сыном. Женщина была настолько поглощена ребенком, что Свечникову показалось это странным и противоестественным. Так относятся, пожалуй, к детям во время их болезни или в период выздоровления. Она не сводила глаз с мальчика, наблюдая, как он ест, в то время как ее порция стояла нетронутой.

Свечников закурил, осторожно вытянув под столом больную ногу, и невольно усмехнулся своей наблюдательности.

«Что привязался к мамаше? – увещевал его сознательный Свечников-второй. – А может, мальчик действительно после болезни? А может, они давно не виделись? И вообще, какое тебе дело до этого ребенка и его мамочки?»

Свечников-первый не знал, что ответить, и поэтому спорить не стал. Он действительно никогда не наблюдал в себе особой любви к детям. В компаниях друзей его всегда раздражало, когда отпрыскам слишком многое позволялось. Например, когда дети не вовремя лезли с разговорами к взрослым или устраивали игры под столом. С племянниками было проще – на правах дядьки он мог и прикрикнуть, и подзатыльник отвесить. Больше всего терпеть не мог, когда мамочки излишне опекали сыновей. В нем всегда закипал молчаливый протест. А однажды он даже пытался объяснить свою точку зрения Галке, жене друга Вовки: мужчину, мол, ждет очень жестокий мир, и чрезмерное сюсюканье делает его не готовым к жизни.

Но Галка только посмеялась над его рассуждениями.

– Вот своих заведешь, тогда и поговорим, – отмахивалась она. – Теоретик!

Малыш покончил с супом. Мать вытерла его рожицу носовым платком и пододвинула тарелку с картофельным пюре и сосисками. Она аккуратно порезала сосиски на маленькие ровные кусочки и разложила их поверх пюре. Между ними завязался небольшой спор. Мать предлагала есть ложкой, но мальчик настаивал на вилке. Он не кричал, не капризничал, а только упрямо крутил головой, зажав вилку в кулачке. Наконец женщина уступила и теперь не отрываясь следила за тем, как малыш орудует опасным прибором.

«Молодец! – чуть не вслух обрадовался Свечников и сразу же одернул себя: – Старейшь, брат! С каких это пор ты стал любоваться детьми? Всегда как огня боялся, что какая-нибудь дамочка окрутит, заявив, что беременна». Сколько друзей Сергея женились «по нужде» и теперь несказанно завидовали свободному как ветер Сереге.

«Просто есть люди, в том числе и дети, от которых исходит светлое обаяние, – успокоил его Свечников-второй. – Так что не кисни».

Свечников поднялся и, чуть прихрамывая, пошел гулять без определенного маршрута.

Глава 2

Ирина с удовольствием постояла под душем – в полдень это единственное спасение от жары. Слегка промокнула тело махровым полотенцем, постирала купальник и Антошкины плавки и вышла на балкон. Отдыхающие уже стекались неспешной струйкой в корпус санатория – на обед. Из общежития обслуживающего персонала хорошо просматривался центральный вход с высокой мраморной лестницей. Ирина постояла, ожидая появления Лизаветы, но нещадная жара довольно быстро согнала ее с удобного наблюдательного пункта. Ирина задернула шторы и взглянула на сына. Антошка сладко спал, раскинув ручки и ножки, на своей раскладушке. Простыня сползла на пол. Ирина собралась было тоже лечь, но не удержалась – подошла полюбоваться спящим сыном. Она с нежностью расправила прилипшие ко лбу мокрые волосики и устроилась на полу, возле раскладушки. Его розовая пятка оказалась прямо напротив ее лица. Она дотянулась губами и тихо дотронулась ими до каждого пальчика. Нога пахла мылом и молоком. Ирина улыбнулась.

– Солнце мое золотое, – прошептала она в душистую пятку, поднялась и, стараясь не шуметь, улеглась на диван.

Несколько минут ее мысли блуждали вокруг сына, вокруг такого знакомого, почти родного южного городка, вокруг институтской подруги Лизаветы и наконец закружились в воронке трепетного дневного полусна.

Ирина так и не поняла – долго она спала или всего несколько минут, когда услышала осторожное царапанье ключа в двери. «Лизавета, – мысленно отметила Ирина и открыла глаза. – Сейчас загремит». Лизавета всегда старалась все делать тихо и неслышно, но получалось как раз наоборот.

Зная, что гости отдыхают после обеда, она изо всех сил старалась не разбудить: вошла на цыпочках, держа в одной руке босоножки, а в другой – целлофановый пакет с продуктами. Пакет был явно перегружен. Заметив, что подруга не спит, Лизавета закивала и молча, вращая глазами, на цыпочках стала пробираться на кухню. Вся эта выразительная пантомима должна была, видимо, обозначать следующее: «Я проберусь потихоньку, чтобы Антошку не разбудить». Но Ирина уже видела, что дно пакета разъезжается, а оттуда ползет полуторалитровая пластиковая бутылка с лимонадом.

– Пакет! – громким шепотом предупредила она и тут же услышала короткий Лизаветин мат – вероятно, бутылка угодила по босой ноге. Следом за лимонадом из дыры полезли апельсины. Ирина подлетела и успела подхватить пару. Наконец Лизавета догадалась поставить пакет на пол.

– Узнаешь Громышало? – расцвела она в добродушной улыбке.

Ирина обняла подругу и чмокнула в щеку:

– Лизка, как я рада, что хоть ты в этом мире осталась неизменной!

Прозвище Громышало Лизавета получила еще в студенческой общаге и постоянно его оправдывала. Если она тянулась за учебником через стол, то непременно роняла вазу или чашку с чаем, если она несла сковороду с дымящимися макаронами, то обязательно сшибала на своем пути все стулья и бедра двигала стол.

Было бы несправедливо назвать Лизавету толстой или неуклюжей – вид у нее был очень уютный. Ее пышное тело прямо-таки излучало домашнее тепло. И ее чудная особенность – устраивать шум «на ровном месте» – лишь придавала ей дополнительное очарование в глазах друзей и не раздражала. С Лизаветой было легко и весело. В гостях у Лизаветы не надо думать о том, что ты помял одеяло или испачкал раковину. У нее можно сидеть с ногами на диване, пролеживать по часу в ванне и вообще чувствовать себя как дома.

Хотя Лизаветину малосемейку-полуторку с большой натяжкой можно было назвать домом, но тем не менее здесь всем было хорошо.

– Вы ели? – шепотом поинтересовалась Лизавета.

Ирина кивнула:

– Ты знаешь, здесь, на море, у Антошки зверский аппетит. Диву даюсь.

– Ты бы сама больше ела, – отозвалась Лизавета, наливая им обоим лимонад. – Смотреть на тебя страшно. Забыла уже, какая справная была, пока училась? Да и потом... А сейчас поглядеть не на что – шиш да маленько.

Ирина безразлично махнула рукой:

– Нашла что вспомнить. Теперь уж все равно – ешь, не ешь...

– Слушай, а ты наших кого-нибудь видишь? Я ведь сто лет – никого. Раньше каждое лето кто-нибудь наезжал. Теперь уж года три – ни души. – Лизавета очистила апельсин и протянула подруге.

– Вижу некоторых, – задумчиво отозвалась Ирина. – Многие, как я, в коммерцию ударились. Мало кто в культуре остался. Ну, вот Аленка Евстигнеева, правда, директор музыкальной школы. Но ведь у Аленки, слава Богу, муж из крутых. Она может себе позволить...

– А Шурик? Я слышала, что он... пирожками торгует?

Ирина передернула плечами:

– Ну не сам торгует, конечно. Но точно этим занимается. Крутится. Давно из театра ушел.

– Не представляю. Шурика – не представляю. Без его подвала, без картин его непонятных – с пирожками... Для чего мы все учились?..

Лизавета смотрела в окно и поэтому не уловила тот момент, когда у Ирины сузились зрачки, а пальцы стали нервно шарить в поисках сигарет.

– Лифшиц уехал, – как само собой разумеющееся, сообщила Ирина и встала, чтобы достать сигареты с холодильника.

– Ну, за Лифшица я спокойна. У него и там все будет хорошо, – рассудила Лизавета, – а вот Шурик... жалко...

– А Леву... не жалко? – Ирина закурила.

– Леву? А что – Лева? – Лизавета не шевельнулась, но Ирина видела, что вся ее немая спина ждет ответа.

– Лева пьет.

Лизавета помолчала.

– А цирк? Как же он...

– Из цирка его попросили, кажется. Жена уехала. В общем, дела у него неважные.

Лизавета стряхнула минутное оцепенение и попробовала рассмеяться:

– Выходит, я – последняя из могикан. Последний массовик-затейник со славного легендарного курса...

Получилось не смешно.

Ирина курила, глядя в окно, и Лизавета захлопотала, взбивая омлет, – скоро проснется Антошка.

– Но вот кого меньше всего я представляю вне нашей суматошной работы, так это тебя, – рассуждала она. – Вот уж кто действительно был генератор идей. Организатор. Не скучаешь?

Но когда она подняла глаза на подругу, поняла, что ляпнула лишнее. Ирина вдавила окурок в пепельницу резким движением, неожиданно выдающим в ней сильную и, возможно, властную натуру.

– А некогда мне скучать! – Глаза ее сверкнули затаенной болью. – Антоха не дает.

Словно услышав, что речь идет о нем, проснулся ребенок. Ирина наспех прополоскала рот лимонадом, схватила дольку апельсина – перебить запах сигарет, и мягкими движениями,

с улыбкой на лице пошла в комнату к сыну. Лизавета очистила второй апельсин и двинулась вслед за подружкой.

– Проснулся, мужичок? – задорно крикнула она, протягивая ему ароматный фрукт. – А гулять пойдём?

– А Полина где? – протянул мальчик, прижимая к животу апельсин.

– Полина в детском саду. Сейчас все вместе мы за ней и пойдём, – пояснила Ирина, натягивая на него чистую футболку.

– А вечером, – объявила Лизавета, – мы все идем на концерт! – И на вопросительный взгляд Ирины пояснила: – Закрытие «Веселых ноток», сегодня лауреаты выступают, нас начальница бесплатно проведет.

* * *

Выступление лауреатов проходило в открытом концертном зале. Морской воздух беспрепятственно гулял в пространстве Дворца молодежи, как, впрочем, и мелодии детских шлягеров. Наполнив собой зал, они вылетали на улицу и носились в воздухе озорными отголосками.

Шоу было великолепным. Яркие костюмы, милые детские лица и голоса вызывали в зале мгновенный живой отклик. Антошка с Полиной отбили себе ладошки, рассыпаясь в аплодисментах. Неожиданно на сцене появились две огромные куклы – персонажи диснеевского мультфильма.

Большинство взрослой аудитории так и не догадалось, что за животных воплощали в себе эти две маски. Дети же, напротив, стали выкрикивать их иностранные имена как родные. Мультяшки то бросали в зал конфеты, то подносили зрителям надувные шары. Детвора визжала от восторга...

Первое отделение концерта Ирина смотрела довольно спокойно. Она перешептывалась с Лизаветой, шутила, смеялась. Ирина не хотела лишать сынишку праздника и с самого начала приказала себе сидеть тихо. Держаться. Сначала ей это удавалось. Она даже похвалила себя. Но когда появились эти куклы... В тот день тоже были куклы! Правда, это были не мультяшки, а самые обыкновенные Петрушка и Матрешка. Они открывали карнавал...

Ирина с тоской отметила, что пальцы рук начинают предательски дрожать, а в ногах ощущается знакомый противный зуд. Так бывало: стоит только прозевать момент, когда еще можно выпить успокоительное, и ноги уже не могут находиться в покое – они сами себе мешают, и тогда нужно ходить и ходить без цели, чтобы унять это муторное до жути состояние.

Она буквально заскрипела зубами и тронула за плечо Лизавету:

– Я в туалет.

Ирина вышла на открытую площадку фойе и побрела вдоль перил, подставляя лицо прохладному воздуху. Из зала доносился задорный детский голосок – девочка пела песенку про кикимору.

Вот ведь как: думала, что все прошло, что справилась с собой и уже вполне может владеть ситуацией. Дудки. Все впустую. Сначала она даже «Утреннюю звезду» смотреть не могла. Сразу выключала. А в последнее время – ничего. Однажды заметила, что спокойно чистит картошку, когда по радио дети поют. К тому же Антошке нравится. «Не раскисать!» – приказала себе Ирина и прошла в бар. Взяла рюмку коньяка, залпом выпила и вернулась в фойе, где уже стояла Лизавета с детьми.

– Хочу мороженое! – пищала Полина.

Антошка подбежал к матери и сообщил:

– Хочу пи-пи!

Ирина сводила сына в туалет, а когда они оба, улыбающиеся, вернулись к своим спутникам, те уже стояли с четырьмя порциями эскимо.

– Гулять! – объявила Полина и для убедительности притопнула ногой.

Лизавета только руками развела:

– Гулять так гулять.

Уже стемнело, и залитый огнями курортный город повернулся к отдыхающим своей фантастически нарядной ночной стороной. Гуляющих, пожалуй, было больше, чем днем: прогуливались пожилые и молодежь, пары с детьми, большие разношерстные компании и обязательные курортные парочки.

Шестилетняя крепышка Полина, существо на редкость самостоятельное, вела за руку Антошку, то и дело поправляя на нем то кепочку, то футболку.

– Как она все-таки на тебя похожа! – в который раз заметила Ирина, а Лизавета согласилась:

– Родня...

Про Полининого отца Ирина тактично не спрашивала. Понимала – Лизаветина старая мозоль, на которую лучше не наступать.

Праздник закрытия детского фестиваля переместился на улицу. На открытой эстраде работали клоуны, развлекаая юных артистов.

– Папа! – вдруг воскликнула Полина и обернулась к матери.

Лизавета вздрогнула. Полининого отца они увидели недалеко от эстрады. Там стоял автобус, и в него грузили музыкальную аппаратуру. Мужчина с пышной седой шевелюрой и недельной небритостью отдавал распоряжения. Ирина сразу его узнала, до того он был похож на эстрадную звезду 80-х годов, по которому в свое время сходила с ума почти вся женская половина страны. Вероятно, это сходство и зацепило когда-то впечатлительную Лизавету. К тому же он тоже был музыкант, как и его знаменитый двойник. Да еще руководитель ансамбля. Лизавета довольно долго верила сказке про то, что он в разводе. О том, что ее кумир по-прежнему благополучно живет со своей женой и взрослой дочерью, она узнала только тогда, когда ждала появления Полины. Беременность Лизаветы напугала его как подростка, хотя он был старше своей незадачливой пассии на двадцать пять лет.

Теперь он жил на два дома, чередуя бурное общение с Лизаветой и Полиной и тихую семейную жизнь с прежней семьей.

– Папа! – истошно завопила Полина, но крик ее потонул во всеобщем шуме.

Автобус с музыкантами уехал, а Полина и Лизавета начали ругаться, одинаково тряся кулаками и краснея.

– Хочу к папе! – орала одна. – Хочу на автобусе кататься!

– Веди себя прилично! – кричала вторая. – Если будешь капризничать, я позвоню, чтоб он не приезжал в воскресенье!

Началась настоящая буря.

– Ты плохая! – вопила девочка.

– Зато твой папа хороший! – вторила ей мать.

Ирина поняла, что пора вмешаться.

– Так! Нам пора домой! – строго объявила она и решительно взяла Полину за руку. Та насупилась, но послушаться не посмела.

Домой шли молча. Полина обиженно пыхтела, Лизавета тихо материлась и, видимо, готовила речь к следующей встрече с Полининым отцом.

Полина успокоилась первая. Она убежала от Ирины, остановилась и пошла пятками назад, пятясь перед Антошкой.

– А мой папа – музыкант! – заявила она, уперев пухлые кулачки в бока. – А твой кто?

Антошка остановился, озадаченно поднял глаза на мать. Та, растерявшись от неожиданности, открыла было рот, но тут раздался мощный хлопок и небо взорвалось гроздьями разноцветного салюта.

– Ура! Салют! – взвизгнула Полина, подпрыгивая и хлопая в ладоши.

– Звезды полетели! – закричал Антошка и поднял ладошки к небу, надеясь поймать хотя бы одну. Лизавета радовалась вместе с детьми, сопровождая громогласным «ура!» каждую вспышку салюта.

Гуляющие непроизвольно собрались в группы, встречая брызги огня дикими восторженными воплями. Казалось, весь город рвется в небо единым порывом, и огни в вышине – это только отражение звуков ночного города – мощная фантастическая цветомузыка. Прекрасный завершающий аккорд праздника, объединяющий все поколения в единое целое.

– Здорово! – выдохнула Лизавета и обернулась, ища глазами подругу.

Ирина сидела на скамейке сгорбившись, как старушка, зажав руками голову, тихо раскачиваясь из стороны в сторону.

– Ира! Что?! – Лизавета подлетела к ней и заглянула в лицо.

Глаза Ирины были сухи и полны невыразимой, испепеляющей тоски.

Глава 3

Теперь уже проклятую память было не унять. Она высвечивала и подбрасывала Ирине все новые и новые подробности того далекого дня, которые, казалось, не могли, не должны были так ярко запомниться.

Был август. Именно последние числа месяца, как и сейчас. День города всегда праздновали в последнее воскресенье лета. Как и год назад, перед этим событием у Ирины была совершенно сумасшедшая неделя, когда она ежедневно поражалась скорости часовой стрелки и всякий раз с удивлением обнаруживала наступление ночи. Заснуть же могла только со снотворным. В эти суматошные дни постоянно казалось, что она обязательно что-то упустит или не успеет.

В голове крутилась тысяча «надо»: записать на радио фонограмму концерта на площади, перезвонить в авиаclub насчет парашютистов, еще раз переговорить с менеджером эстрадной звезды для ночного шоу – уточнить условия оплаты, узнать, во сколько привезут из Центрального дворца световую аппаратуру для детского концерта, и еще десятка полтора-два маленьких и больших «надо».

Всю свою сознательную жизнь Ира занималась организацией всевозможных вечеров, утренников и концертов: и в школе, и в институте, и затем в Доме культуры, где несколько лет после института проработала директором. Но последние два года на ней лежал совсем иной груз ответственности: теперь она работала заведующей отделом культуры администрации одного из районов крупного промышленного города. Не ахти какой, но – начальник. Каждый праздник теперь для Ирины становился настоящим испытанием на прочность. Сегодня ее день был расписан по минутам. Она заглянула в кабинет методистов, до потолка заваленный свертками с призами и костюмами. Девочки раскладывали кукол по коробкам, а при появлении начальницы затарахтели обе, задыхаясь от переполнявших эти впечатлительные создания эмоций.

– Ирина Алексеевна, художники сказали, что колонны не готовы, потому что краска плохая – комками пошла. Я сейчас отнесла эмульсионку, они заявили, что высохнет только к обеду! – Молоденькая большеглазая Танюша обиженно хлопала глазами, с полной уверенностью, что настал конец света.

Шустрая, с мальчишеской стрижкой, Шура по-пионерски доложила:

– Ирин Лексевн, автобус на площадь отправили. Все директора и худруки уже там, за ведущими послали машину из музыкальной школы.

Ирина улыбнулась: на этих девчонок можно положиться, она их сама подобрала себе в помощники, когда заступила на этот пост.

– Девочки, я – на площадь. Таня, звони художникам каждый час, подгоняй. Как закончится концерт – пришлю автобус, пусть грузят колонны и везут в ДК. Вы обе с призами – туда же. Шура, оформляешь сцену, а ты, Тань, встречаешь выступающих. Детский праздник на вас обеих. Я приеду к самому началу – мне нужно начальство везти на стадион... Удачи!

Ирина закрыла за собой дверь и стремительно пересекла коридор – в ее кабинете надрылся телефон. Несколько минут она решала по телефону вопросы кормления артистов, размещения гостей и транспорта для жюри. Такое начало праздничного дня было привычно, как и сам ее длинный, узкий кабинет, залитый солнцем, и шум автомобилей за окном. Ирина сделала несколько пометок в ежедневнике, подошла к зеркалу и критически оглядела себя. Удивительно, как это ей удалось вчера выспаться? Обычно накануне праздника она просто не в состоянии заснуть. Из зеркала глядела энергичная двадцатисемилетняя женщина с блестящими серыми глазами, с эффектной стрижкой на основе длинных кудрявых пепельно-русых

волос. Она нашла себя немного полноватой. И сразу представила, что сказал бы на это ее муж Саша:

– Ириша, ты к себе придираешься!

И она решила не придирается к себе, тем более что считала: начальник должен быть представительным. Ей очень шел элегантный брючный костюм из «мокрого шелка» цвета морской волны. Жемчужинки в ушах были той маленькой деталью, которая способна придать простому наряду элемент строгой торжественности. Больше никаких украшений – лишь тоненькая золотая цепочка на шее и, разумеется, обручальное кольцо.

Посмотрев на часы, она покинула свой кабинет и спустилась на улицу. Ее уже ждала машина.

Праздник в их районе начинался ярмаркой и театральным представлением на открытой площадке. За этот пункт длинного перечня мероприятий дня Ирина была спокойна – здесь работали опытные люди из того самого ДК, где за годы своей работы она сумела сколотить задорную и легкую на подъем команду. Здесь уже звучала гармонь и женский хор «Волжаночка» звонко пел что-то шутивно-озорное. Перед эстрадой на ходулях петляли скоморохи, а народ переходил группами от палаток с товарами к концертной площадке и обратно. Ирина окинула взглядом толпу и выделила знакомые лица: почти вся администрация в сборе. Первый заместитель главы и заведующие отделами с семьями. Другого Ирина и не ожидала – все знали, что во вторник на пятиминутке у шефа будет обсуждение прошедшего Дня города, а тот любит, чтобы все были в курсе событий и активно высказывали свое мнение. Хотя всем ясно, что шеф прислушивается только к мнению Егоровой. А та высказывается после всех. И ее суждения и оценки категоричны до зубной боли. Даже похвала ее, как правило, бывает хлесткой и безапелляционной. Вот и поди угадай, каково оно будет, мнение Егоровой? Попади пальцем в небо, чтобы твое личное суждение не оказалось полярным по отношению к оценке этой «крокодилицы».

Ирина усмехнулась своим мыслям и подошла поздороваться с сослуживцами. Полил тот обязательный, ничего не значащий, но всегда что-то таящий в себе разговор, который и мог-то произойти, пожалуй, лишь между коллегами такого плана.

– Как всегда, Ирина Алексеевна, обворожительны, энергичны!

– Стараюсь. Как концерт?

– Изумительно! Просто изумительно. А «Задоринки» будут плясать?

– Конечно. Да вот они уже готовятся. Кстати, детей не уводите до перерыва. Будут игры с призами.

– А во сколько начало? Мы успеем?

– Кстати, у мебельщиков хор побогаче выглядит, чем у вас. Пора бы и вам для «Волжаночки» костюмчики обновить, не считаете? Или финансов у нашей культуры маловато?

– Или тратим не туда?

Отдав должное этим не всегда приятным разговорам, Ирина под первым же предложением улизнула от «единомышленников» по «Белому дому» и пошла искать руководительницу хора.

Пока на эстраде танцевали дети, хор отдыхал в автобусе, попивая кока-колу и травя анекдоты. Брылова, руководительница «Волжаночки», с которой Ирина когда-то в ДК пуд соли съела, заметив начальницу, вышла из автобуса, обмахиваясь, как веером, свежим номером областной газеты.

– Слушай, Лексевна, тебя муж еще из дома не выгоняет? – Брылова вытерла лоб под кокошником и поправила на груди красный шерстяной сарафан.

– Пока терпит, – отозвалась Ирина, – сама удивляюсь как. Не знаю, чем он питается всю неделю. Хорошо хоть дочка в лагере – купили путевку на третью смену.

– Да... – протянула Брылова, – а мой вчера в ДК притащился. Не верит, что у меня каждый вечер репетиция. Выходит, твоя-то танцевать сегодня не будет в «Маленькой мисс»?

– Будет. Саша поехал за ней. До конца смены три дня осталось, но мы обещали ее к Дню города забрать. Она не представляет, как это ансамбль без нее выступит...

Праздник набирал обороты. Улица все больше заполнялась людьми. Подходили те, кто долго спал, и те, кто вообще не любит приходить к началу. Площадь пестрела цветами, шарами, яркими нарядами детей и взрослых. Музыка гремела, поднимая настроение и заставляя зрителей подпевать и подтанцовывать, помогая артистам.

Ирина кивнула шоферу, и тот принес огромную коробку с упаковками фломастеров и конфетами. Баянист принял коробку и отнес в автобус.

– Детям раздашь фломастеры и шоколадки, когда выступят, а женщинам из хора – по коробке конфет, – распорядилась Ирина.

Брылова коротко кивнула и махнула певицам. Красные сарафаны потянулись к эстраде.

К двенадцати часам Ирина должна была заехать за своей начальницей Егоровой и везти ее на стадион. Заместитель главы по социальным вопросам Зоя Васильевна Егорова была женщиной резкой и прямой как танк. Если ей что-то не нравилось, она прямо на совещании говорила – фигня! А в узком кругу и похлеще. Имея мощный торс и повадки укротителя диких зверей, она твердым шагом поднималась по служебной лестнице, и подчиненные ее откровенно побаивались.

Ирина не составляла исключение. К тому же Егорова сама два года назад занимала Ирину кресло и работу, естественно, знала от и до. Работать в непосредственной близости к Егоровой и лавировать между ее «фигня» и «потрясно» было куда как нелегко. Но что делать? Назвался груздем – полезай в кузов.

Сегодня Зоя Васильевна была в прекрасном расположении духа. Она вышла из подъезда с улыбкой на круглом лице, неторопливо и бережно неся свое крупное тело между стриженных кустов боярышника.

– Да, Ирка, и день тебе сегодня как по заказу. И солнце – вот оно, и тепло, и ветра нет.

– Сплюньте, Зоя Васильевна, – отозвалась Ирина и облегченно вздохнула – «крокодилица» была в духе, и то ладно.

– Все нормально, без накладок? – уже в деловом ключе поинтересовалась Егорова, усаживаясь на переднем сиденье служебной «девятки».

– Пока как по маслу, – кивнула Ирина, а про себя подумала: вот сейчас вертолетчики подведут с парашютистами, и будет тебе «по маслу». По ушам, пожалуй, точно будет...

Но вертолетчики не подвели. Сначала, как и было задумано, на стадионе боролись воспитанники спортивной школы. Показывали приемы ушу и дзюдо. А ровно в половине первого, строго по плану и все же как-то неожиданно, в небе расцвели десятки ярких парашютов. Люди разом ахнули, повскакивали с мест. Егорова достала из сумочки бинокль.

Вот теперь Ирина почувствовала, что на несколько минут можно расслабиться. Почему-то за парашютистов она переживала больше всего. Ведь здесь от нее лично ничего не зависело.

Неожиданно она подумала, что Саша с Никой могли бы уже приехать. Ника мечтала посмотреть парашютистов, и Ирина с мужем вчера договорились, что он постарается привезти ее на стадион к началу шоу. Она прошла к выходу, протиснулась через толпу зрителей и поискала взглядом салатовую «Ниву». Нет, их машины около стадиона не было. Значит, не успели...

Ирина купила мороженое себе, Егоровой и шоферу и стала пробираться назад. Мороженое было крем-брюле, она это ясно вспомнила сейчас. Крем-брюле в вафельных стаканчиках. Егорова ела только такое.

Сидя на трибуне и облизывая холодную молочно-кофейную сладость, Ирина остро почувствовала, как соскучилась по дочери. Буквально физически ощутила рядом с собой ее тоненькое теплое тельце и вздохнула. Они не виделись три недели. Целых три недели, не считая позапрошлого воскресенья, когда они с Сашей навестили ее в лагере. Как жаль, что муж с доче-

рю не успели на выступление парашютистов! Ника всегда приходила в восторг от всего нового и необычного. А необычным для нее, восьмилетней, было буквально все: и новая игрушка, и выступления с ансамблем «Солнышко», и летний лагерь, и костер у реки, и поездка с родителями на море, к тете Лизе.

...После шоу на стадионе Егорова распрощалась с Ириной до вечера.

– В парк не поеду, – объявила начальница. – Мне еще подарки в Дом малютки везти. Ты уж, Ира, без меня. А вечером с внучкой приду на вашу «Маленькую мисс». Твоя не участвует?

– Нет, но она танцует с «Солнышком».

– Ну, до вечера.

Егорова села в ожидавшую ее серую «Волгу» и укатила. Ирина кивнула шоферу:

– Витя, тепер в парк.

В парке тоже было людно. Здесь сегодня орудовали студенты института искусств, и было шумно и весело. Ребята на славу потрудились над своими нарядами и выглядели весьма необычно.

Ирина быстро посмотрела, работает ли оператор. Обидно было бы не снять такой яркий материал. К своему удовольствию, увидела Игоря, который снимал праздник на видео. Ирина не могла не рассмеяться, когда заметила, как ребята в своих невообразимых костюмах ходят за отдыхающими и цепляют им на одежду яркие пластмассовые прищепки. Около каждого студента как по волшебству собиралась толпа детей, и ребята импровизировали на ходу: начинали состязаться по бегу в клоунских башмаках, стреляли водой из брызгалок, играли в жмурки в огромных шляпах, падающих на глаза.

Это был курс Левы Иващенко, его ученики. Ирина уже в который раз поразилась Левиному таланту. Ее даже гордость охватила – ведь когда-то училась с ним на одном курсе.

Несмотря на то что все пока шло как по маслу, Ирину не покидало чувство, будто она что-то упустила из виду. Может быть, о чем-то забыла, что-то не сделала. Зыбкая, неясная тревога трепетала где-то внутри и смущала ее.

Люда, директор парка, проводила Ирину с шофером к себе и накормила обедом. Только тепер Ирина заметила, что день перевалил далеко за середину. Она позвонила домой, трубку не брали.

«Ищут меня по всему городу, наверное, – сокрушалась она. – Нике заплести нужно косу перед выступлением. И колготки белые они без меня не найдут...»

Она позвонила в отдел культуры, но и там молчали. Девочки наверняка уехали в ДК, украшать зал для «Маленькой мисс».

В ДК к телефону подошла Шура:

– Ой, Ирина Алексеевна, свет привезли, а фаза напряжения не выдерживает – все гаснет. Танька побежала электриков искать. Нет, Ирин Лексевн, ваши не приезжали пока. Нет, не звонили.

Ирина начала волноваться и почувствовала боль в желудке и изжогу. Но она знала, что это не от Людмилиных сосисок с капустой. Это от нехорошего изнуряющего волнения. Когда приехала в ДК, световую аппаратуру уже установили и фаза работала нормально. Девочки-методистки расставляли огромные надувные игрушки, а в фойе была готова выставка цветов.

Ирина еще раз позвонила домой – безрезультатно.

Приехал автобус с хореографическим ансамблем «Солнышко» – дети горохом рассыпались по фойе. Ирину позвали послушать ведущих, а следом ее захватила та круговерть клубной работы, когда нет свободной минуты и ты всем нужна одновременно: то не хватает подноса для призов и нужно что-то придумать взамен, то артист забыл концертные туфли и нужна машина – ехать за ними, или, того хуже, кто-то нечаянно стер фонограмму песни и номер надо срочно заменить, и прочая, прочая, прочая...

Она опомнилась только тогда, когда в зал стали заходить зрители. Значит, ей нужно идти встречать жюри. Противная изжога не отпускала. Все первое отделение концерта Ирина просидела как на иголках. Куда звонить? Саше на работу? Выходной. В милицию?

«Господи, да что это я? – Она сжала кулаки так, что ногти до боли впились в мякоть ладони. – Они просто решили не ехать. Может, у Ники в лагере сегодня тоже праздник, какой-нибудь вечерний костер, и они решили остаться? Скорее всего так и есть. Позвонили мне в администрацию, а там никого...» Она мучительно придумывала причину их задержки.

«...А Егорова не пришла с внучкой», – вдруг вползла случайная мысль.

Шоу проходило довольно слаженно. Последним конкурсом для маленьких мисс был карнавал. Девочки должны были продемонстрировать карнавальные костюмы. Заведующая отделом культуры Ирина Алексеевна Архипова, конечно же, знала, что сейчас распахнется боковая дверь и появится огромная кукла Матрешка, которая, приплясывая, поведет через зал вереницу девочек в карнавальных костюмах. А заключать шествие будет кукла Петрушка. В огромных масках Петрушки и Матрешки будут заведующие библиотек. Знала, но все равно с интересом наблюдала этот эпизод, следя за реакцией зрителей. Зал довольно загудел, встречая юных конкурсанток, и разразился аплодисментами.

Ирина вдруг заметила за спиной куклы Петрушки странно растерянное лицо Егоровой. Начальница была без внучки, она кого-то искала глазами, и Ирина поняла, что ее. Они встретились взглядами, и ком застрял у Ирины в горле. Она вышла в фойе как загипнотизированная. Уже догадалась, но еще надеялась.

У входа стоял первый заместитель главы Малахов и виновато смотрел на Ирину. Егорова отвернулась к окну. Малахов взял Ирину за руку. Он что-то говорил. Что-то вроде: «Ты сильная, Ира», или: «Ты должна все выдержать», но Ирина расслышала только слова Егоровой.

Зоя Васильевна сказала: «Они погибли, Ира». И Ирина поплыла в липкую темноту, оседая вниз по крашеной стене фойе.

Позже ей казалось, что это не ее ведут на улицу, в сумерки летнего вечера, что это не она еле бредет, поддерживаемая мужчиной и женщиной, к черной «Волге» Малахова, стоящей у парадного крыльца. Но в ту минуту, когда они подходили к машине, словно в насмешку над ее бедой, небо разорвалось огненными брызгами салюта.

Глава 4

Прогулочная яхта «Луна» легко скользила по водной глади вдоль побережья, и отдыхающие с удовольствием подставляли лица и плечи свежему морскому ветру.

Антошка стоял на палубе, открыв рот, и смотрел вокруг себя с удивлением птенца.

– Антошка, рот закрой – птичка залетит, – пошутила Ирина, наслаждаясь радостью сына. Все-таки здорово, что она смогла выбраться к Лизе и ничто не мешает их отдыху. Конечно, если бы не настойчивость Никитиных, она вряд ли бы решилась уехать сейчас – когда помещение наконец арендовано и начались первые ремонтные работы. Слава Богу, что есть еще такие люди, как Никитины. Иван да Марья. Ирина улыбнулась, вспоминая, как они ее провожали – чуть ли не силком. Ведь не хотела ехать. Так перенервничала из-за помещения под кафе, так она им, этим кафе, бредила, что готова была начать ремонт собственными руками и немедленно. Иван убедил ее, что нужно сначала отремонтировать коммуникацию, а уж потом заниматься дизайном.

– Доверь мне хотя бы сантехнику, работоголик ты наш, – шутливо умолял он. – Отдохнешь, загоришь – и ныряй в свое кафе с головой.

– А к нам в магазин и не заглядывай, – ревниво буркнула Мария.

Ирина знала, что Машка ревнует ее к кафе. Хоть старается вида не показывать. Магазин был их общим детищем, они поднимали его втроем, а вот детское кафе «Антошка» – это ее, Ирина, новая страсть, которая, как подозревали Никитины, заберет ее скоро с ручками и ножками.

– Мама, а где у кораблика руль? – спросил Антошка, не отрывая глаз от уплывающего берега.

Ирина пожала плечами:

– Должно быть, в капитанской рубке.

– Капитан сам рулит? – радостно расширились глаза мальчика.

Ирина кивнула.

– Я хочу порулить... – незамедлительно признался Антошка, серьезно глядя матери в глаза.

Та вздохнула, приготовилась к длительному диалогу с бесконечными «а почему?», но сказать ничего не успела – услышала из-за своего плеча неожиданную решительную реплику:

– Никаких проблем, Антон, сейчас мы это устроим!

Мать и сын разом обернулись на голос. Его обладателем оказался выше среднего роста мужчина в темных очках, над которыми топорщился светлый ежик волос.

Ирина открыла было рот, чтобы ответить на явную бестактность, но сын опередил ее, растянувшись в довольной улыбке:

– Здравствуй, дядя, я тебя знаю. Ты видел, как я плаваю?

– Ну конечно! – Мужчина присел перед ребенком на корточки и протянул ладонь для рукопожатия. – А как поживает твоя черепаха?

Антошка пожал мягкими пальцами большую шершавую руку и вздохнул:

– Она проткнулась. Но я уже без нее могу.

Мужчина кивнул и, не выпуская его ладошку из своей, поднялся и только теперь взглянул на Ирину.

Видимо, она не успела стереть с лица выражение крайнего недоумения – мужчина слегка усмехнулся, но сразу же спохватился, подавив в себе эту невольную эмоцию.

– Вы не будете возражать? – вежливо спросил он. – Я случайно услышал ваш разговор... Дело в том, что капитан этой яхты – мой приятель... И я подумал: почему не доставить радость такому обаятельному малышу?

Ирина не могла рассмотреть выражения глаз мужчины за темными стеклами очков, но ей показалось, что он веселится, глядя на нее. Однако увидев восторженное лицо ребенка, она пожала плечами и неуверенно протянула:

– Боюсь, это неудобно...

Но мужчина только головой покачал на ее слова, и вот они с мальчиком бодрым шагом направились к капитанской рубке, а Ирине ничего не оставалось, как двинуться следом. В рубке было накурено, Ирина остановилась у самого входа, не сводя глаз с сына.

Незнакомец что-то шепнул рулевому, тот коротко кивнул, и через секунду обалдевший от счастья Антошка уже стоял у штурвала, а мужчина в темных очках за ним, поддерживая и направляя.

– Почти как в «Жигулях»? – усмехнулся рулевой, наблюдая за приятелем.

– Никакой разницы, – отозвался тот. Затем он уступил место хозяину, а сам отошел в сторону и случайно остановил свой взгляд на Ирине. Случайно ли? Впрочем, Ирина под этим взглядом почувствовала себя весьма неудобно. Через минуту она уже не знала, куда себя деть, – он все стоял и смотрел. Видел, что она нервничает, но не отвернулся.

Тогда Ирина, бросив: «Антошка, нам пора», вышла на свежий воздух. Такого нахальства она не переносила. Раздражение мгновенно закипело в ней: «Ну и наглость! Уставился, как на какую-то... Сейчас привяжется». Неприятно это все. Казалось бы, незначительный эпизод, а настроение испортит надолго. Ей знаком этот тип мужчин. Такой думает, что он неотразим. И раз ты приехала на море, значит, уже готова завести интрижку с подобным типом. Самое смешное то, что они не замечают, что все их хитрые попытки познакомиться, манера себя держать при этом, мудрые ходы на самом деле шиты белыми нитками и видны как на ладони. Больше всего она терпеть не могла таких вот прилипал.

Поэтому, едва дождавшись сына, не поблагодарив мужчину, двинулась на корму. Мальчик что-то говорил взахлеб, но Ирина не могла вникнуть в смысл. Она нервничала, заметив боковым зрением, что мужчина с ежиком и в очках вышел на палубу и наблюдает за ними.

«Только этого не хватало», – подумала она. Не успела отыскать свободное местечко, как увидела, что он идет к ним с большой бутылкой фанты и бумажными стаканчиками. Ирина поджала губы и отвернулась. Самое неприятное, что всего этого не избежать. Уйти некуда – кругом море. К тому же Антошка обожает фанту – отказаться от угощения будет непросто.

«Все рассчитал, паразит!» – ругнулась она про себя и изобразила на лице удивление, когда мужчина весьма любезно стал предлагать им напиток. Антошка с удовольствием пил фанту и во все глаза смотрел на нового знакомого, который рассказывал ему о яхте. Неожиданно мужчина обернулся к Ирине и без предисловий сказал:

– Послушайте, у меня такое чувство, что я вас раньше где-то видел.

Начинается...

Ирина смерила его колючим взглядом и отвернулась.

– Вам не кажется, что вы не очень-то оригинальны?..

Мужчина досадливо поморщился. Ирина его гримасу расценила по-своему: вероятно, он ожидал другой реакции.

– Да нет же, – отмахнулся он. – Вы неправильно меня поняли. Не собираюсь я с вами заводить шуры-муры. Что вы в самом деле! Но лицо мне ваше смутно знакомо... Только где я вас видел – не припомню...

– На пляже, – подсказала Ирина. Она начинала скучать. Прогулка была явно испорчена.

– Да, на пляже. Это верно. Но там я вас видел только со спины. А мне кажется...

– Что вы говорите? – Ирина прищурилась, опять пытаясь разглядеть его глаза. – Ну и как моя спина?

– Спина как спина, – пожал плечами мужчина. – Я, честно говоря, больше на Антошку смотрел – он как раз впервые поплыл. Это было здорово.

Ирина удивленно уставилась в темные стекла очков. То, что нельзя было увидеть выражение глаз, раздражало.

– Вы, вероятно, учитель? Может быть, тренер? – предположила она. – Редко встретишь у мужчин такой интерес к детям.

Она подтрунивала над ним, с облегчением заметив, что яхта развернулась и уже возвращается назад. Но мужчина, казалось, не заметил язвительности ее тона.

– Все нет, – отозвался он. – Ни то и ни другое. Даже своих детей у меня пока нет.

Ирине хотелось скорее свернуть этот никчемный разговор, но неожиданно в него вклинился молчаливый до сих пор Антошка.

– Дядя, а тебя как зовут? – Он облизал желтый след фанты с верхней губы и поднял свои карие вишни на нового знакомого.

– Сережа, – услышал мальчик и незамедлительно выпалил в ответ:

– А меня – Антон, а маму – мама Ира.

И, довольный собой, протянул пустой стакан Сергею. Тот снова наполнил его оранжевой шипучкой и, улыбнувшись, заключил:

– Ну вот и познакомились.

Он перевел взгляд на Антошкину мать, но та стояла отвернувшись и внимательно смотрела на берег. Она заметила приближающийся выступ санатория, розовую громаду Дома культуры, где работала Лизавета. В уме она лихорадочно заготовливая фразы, предназначенные для того, чтобы отделаться от навязчивого мужика. Но заготовки, к счастью, не понадобились. На берегу мужчина помахал Антошке и пошел вверх по улице не оглядываясь. Ирина только сейчас заметила, что при ходьбе он слегка прихрамывает.

Вечером подруги сидели в открытом кафе как две вольные птицы. С детьми осталась Лизаветина тетка, которая лечилась в санатории. Настроение у обеих было прекрасное. Они шутили, вспоминали институтские дела и до боли в скулах смеялись.

– Хорошо у тебя здесь, Лизка, – протянула Ирина, блаженно жмурясь.

Лизавета подмигнула и добавила:

– Вот только мужичка бы!

Ирина усмехнулась и вкратце рассказала свой утренний эпизод на яхте. Лизавета неодобрительно воззрилась на подругу.

– Ну и одичала ты, Ирка! – возмутилась она. – Уж мужику и пофлиртовать с тобой нельзя. Это же тебе Черное море, мать, люди, чай, сюда за этим и едут!

– Я с ребенком, – возразила Ирина.

– Тебе сколько лет, мать? – прищурилась Лизавета.

– Сколько, сколько, – отмахнулась Ирина, – сколько и тебе.

– Вот именно! Тридцать два! А выглядишь на двадцать пять, не больше. Чего же ты хочешь? Это ты сама себя не видишь, а мужик-то... Он, мужик, нюхом чует, когда баба давно... Ну, поняла? Слушай, ты сколько лет одна?

Ирина только рукой махнула:

– Ты, Лизка, брось. Лучше бы о себе позаботилась.

Лизавета вздохнула. Отхлебнула коньяк и обреченно покачала головой:

– Рукавицын не дает. Ни себе ни людям, козел!

– У тебя кто-нибудь был после него?

Лизавета зло засмеялась:

– Как же! Познакомилась я тут с одним «товарищем». У нас в санатории квартировал. Не женат, занимается бизнесом. В общем, что надо. Ну, ко мне, естественно, каждый вечер приходит. Санаторий-то в двух шагах – удобно. Все как положено – цветы, коньяк. И вот представь, сидим мы так однажды и Рукавицын является. Нет, ну ты подумай, от своей законной

жены является, гад. Чистый, накормленный, умытый. С тортом для Полины и грушами. И что ты думаешь? Слово за слово – он этот торт на моего ухажера надел. Ты думаешь, это его удовлетворило? Все груши, прикинь, с балкона вслед перекидал. Ни одной ребенку не оставил.

Ирина еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться, но Лизавета сама прыснула, в красках вспомнив тот злополучный эпизод, и через минуту подруги вновь смеялись до слез над Лизаветиной странной жизнью.

– Ну а этот, с фантой, хоть симпатичный? – допытывалась Лизавета.

– Ничего, – подумав, заключила Ирина, – правда, он в темных очках был, я не очень разглядела. Ну, в общем, не страшный.

– На кого похож? – с готовностью поинтересовалась подруга.

Ирина улыбнулась: «Ну, Лизка! Вот кто не меняется». С юности Ирина помнит эту Лизаветину привычку всех мужчин сравнивать с артистами кино и эстрады.

Молоденький лаборант из их института, по которому сохла каждая вторая студентка, напоминал ей в то незапамятное время Дмитрия Харатьяна. Своего знакомого по первой поездке на море она сравнивала с Микеле Плачидо. Иринин муж Саша почему-то напоминал ей известного барда Юрия Визбора. Во всех ее сравнениях что-то действительно было. Может быть, только не всем бросалось в глаза.

Вот разве что сходство Рукавицына с известной эстрадной звездой было неоспоримо. Похоже, это была своеобразная ирония судьбы – шутка, подброшенная Лизавете в отместку за ее привычку.

Пожалуй, только Лева Иващенко, заноза в Лизаветином сердце, не выдерживал никаких сравнений. Ни на кого не похож. Он был уникален и неподражаем и поэтому остался единственным из мужчин, с кем ее развела судьба, воспоминание о котором саднило сладкой ноющей болью.

Ирина помолчала и добросовестно подумала.

– Шут его знает, на кого он похож, – пожалала она плечами. И застыла в этой позе.

Лизавета с беспокойством проследила за ее взглядом. В кафе вошли двое мужчин. Один – брюнет с вызывающе широкими загорелыми плечами, другой, чуть скромнее в комплекции, с ежиком светлых жестких волос. Тот, который с ежиком, заметил Ирину и, чуть кивнув, задержал на ней внимательный взгляд.

Лизавета взглянула на подругу. Вот те раз! Ирина побледнела, засуетилась, схватила сумочку и, бросив сквозь зубы: «Пойдем», резко рванула к выходу. Лизавета, ничего не понимая, двинулась следом, она должна была себе признаться, что с некоторых пор перестала понимать подругу.

Конечно, та давняя трагедия сильно ее изменила. Это понятно. Но прошло пять лет... Лиза все еще надеялась, что Ирина со временем станет ну если не прежней, то хотя бы близкой к той вечно заводной компанейской Ирине, которую обожали на их курсе. Надеждам явно не суждено сбыться. Дураку понятно, что это тот самый мужик, с которым она познакомилась утром на яхте «Луна».

«Ну пусть он тебе не понравился, – ругалась про себя Лизавета, догоняя подругу по душевной ночной улице. – Но чего ради бледнеть и убегать, будто ты увидела привидение? Это что-то ненормальное».

– Ирка! Не беги, никто за тобой не гонится, – попыталась она унять беспокойную подругу. Отдышавшись, добавила: – А мне он понравился. Лицо такое мужественное, серьез в глазах. Ты знаешь, он мне кого-то напоминает...

– Еще одна! – отозвалась Ирина. – Скорей скажи ему об этом, у него тоже приступ ассоциаций, как и у тебя.

– И товарищ его очень даже ничего. Мышцы и все такое. Фактура хорошая. Если бы мы на полчаса остались, они, глядишь, знакомиться бы подошли. – Наконец Лизавета поравнялась

с Ириной и уцепила ее за руку. – Не беги ты, я же на каблуках. Ирка, скажи мне, неужели ты всерьез решила навсегда одна остаться?

– Не одна. С Антошкой.

– Ну да. С Антошкой. Неужели же тебя не тянет...

Они вошли на территорию санатория и сели на скамейку, спрятанную в гуще южных растений. Ирина с наслаждением вдохнула их насыщенный сладкий аромат.

– Возможно, я и буду встречаться с женщиной, – задумчиво ответила она. – Но так, чтобы это было не на глазах у ребенка. Ну а замуж я больше не выйду. Неужели ты думаешь, я для того родила Антошку, чтобы потом в качестве подарка преподнести ему отчима?

Лизавета сняла босоножки и шлепнула уставшие ноги на теплую землю.

– Откуда ты все о себе знаешь? – засомневалась она. – Что же ты, железная, что ли? «Не буду, не выйду». Я бы поостереглась о себе такие слова говорить. А вдруг?

– О тебе бы я тоже остереглась, – отозвалась Ирина. – А о себе... – И тут же ловко сменила тему: – Кстати, для меня до сих пор остается загадкой твой роман с Рукавицыным. Да и само твое бегство на Черное море. Ты тогда хотела забыть Леву?

Лизавета пожала плечами:

– Сейчас разве упомнишь, чего я хотела? Приключений хотела. Рутину боялась больше всего. Сначала мы с Танькой Трескуновой решили просто дикарями съездить. – Лизавета откинулась на спинку скамейки и взглянула в небо. Звезды здесь, на юге, крупные, с ладонь – это она сразу же отметила, в свой первый приезд. И решила, что по распределению не поедет. Останется здесь, чего бы ей это ни стоило. – Хочешь, расскажу? – спросила Лизавета и покосилась на подругу – может, той совсем не интересно?

Ирина кивнула. Она была рада, что разговор наконец уйдет подальше от инцидента в кафе.

Окна Лизаветиной полуторки были темны, только в большой комнате мерцал голубоватый свет – тетка смотрела телевизор. В корпусе санатория были в разгаре танцы. Отдыхающие отплясывали от души – через огромные стекла первого этажа все это действо было как на ладони.

Лизавета глубоко вздохнула. Сорвала в темноте какой-то длинный листок и начала свою эпопею:

– Вот ведь как приехали мы с Танькой – обе в первый же вечер познакомились с ребятами. Весь фокус в том, что Танькин-то оказался отдыхающим откуда-то с Севера, а мой был местный! Представь себе! Я моментально сообразила, что есть шанс остаться тут, у моря. Вы-то все в городе устроились, а меня распределили в какое-то Панькино, в Тмутаракань. Не поеду, думаю себе. Он, главное, сразу ко мне воспылал. Планы строил колоссальные. В общем, все серьезно. Я губу-то и раскатала. Уезжала – он чуть не плакал, полдороги за поездом бежал. Я домой приехала – брожу как чумная. Я там смотреть ни на что не могла – везде Ивашенко мерещился, ты же в курсе. Ну, я документы собрала, вещи зимние, – и назад. К милому с сюрпризом. Приехала и мигом к нему. С поезда. Прихожу, а меня не ждали. У него дома девочка. И оба они в совершенно откровенном виде. А я стою перед ними как дура. Повторную оплеуху мне жизнь дала. Как слевой. Ну, думаю, хватит. Больше я так не вляпаюсь. От мужиков решила держаться на почтительном расстоянии. Ну, решила работу искать. Конечно, по специальности. Пошла в местный Дом культуры, все честь по чести. Встретила меня директриса неплохо. Вид у нее, правда, был, как бы тебе сказать, не то что отпугивающий, но какой-то не располагающий, что ли. Мешковатый пиджак, стрижка короче некуда, голос прокуренный. Я, честно говоря, взгрустнула, как ее увидела. Сникла. Ну, думаю, драконша. Не сработаюсь. Но ошиблась. Она будто только меня и ждала. Сразу выбила мне общежитие, на работе стала опекать как клушка; про всех рассказала – с кем какие трудности в общении могут произойти.

Работа оказалась совсем даже не трудной. В основном с отдыхающими. На танцах игры проводить. Ансамбль музыкой обслуживает, а я играми и конкурсами развлекаю. Что меня грело, так это то, как она меня хвалила после каждого вечера. Сядет рядышком и каждый нюанс разберет, будто моя работа бог знает какая важная. И как они в мешках прыгали и весело было, и как я с брошкой интересно придумала (хотя это не я придумала, это любой массовик знает), и любую мелочь моей работы рассматривала как под увеличительным стеклом. Как мне это льстило! Никого из нашей команды она так не хвалила. Ансамблем, как ты догадалась, руководил Рукавицын. Жила я в одной комнате с нашей певицей, к ней ходил бас-гитара Игорь. Мне первое время перед этой певицей было неудобно: меня директриса захвалила, а ей и ребятам – ноль внимания. Но та, видимо, этого не замечала совсем. Ей не до меня было – там любовь была в разгаре. Ко мне тоже стал клеиться мальчик – ударник из ансамбля, Толик. Но Варнакова, директриса наша, мне сразу шепнула, что Толик – наркоман и связываться не стоит. Я от него потом шарахаться стала.

Вообще Варнакова опекала меня как мама родная. Она в принципе по возрасту годилась мне в матери. А мне в то время так этого не хватало. Я же со своей матерью тогда не общалась, ты помнишь? Мы помирились, только когда Полина родилась. Ну и конечно, я была очень довольна, что так хорошо устроилась, что в Панькино не поехала. Жизнь была вольная – утром спи сколько влезет, пляж, прогулки по городу и по морю, после обеда идешь на работу – подготовка к вечеру, репетиции, вечером – танцы, а после – ансамбль частенько гудел в нашей общаге. Единственная отрицательная деталь – я была одна. Никого из ребят я близко к себе не подпускала. От Варнаковой я уже знала, что Толик – наркоман, соло-гитара Саня – голубой. Игорь крутил с певицей, а Рукавицын был старше меня на двадцать пять лет и звал дочкой, а посему отпадал и он. Искать приключений на стороне я остерегалась. Ну а в остальном жизнью была довольна. Меня даже в разные санатории стали приглашать – вечера вести. Однажды Варнакова попросила помочь ей вести вечер для медиков в одном доме отдыха. Они свой профессиональный праздник отмечали. Я была, естественно, на седьмом небе от такого доверия, и мы поехали. Это так далеко – через весь город проехали, а потом еще долго через горы. Вечер удался на славу. Ансамбль у них свой, а сценарий писала Варнакова. И вела она, а я только помогала – в основном призы выносила. Подай – принеси. Все были очень довольны. Медики гуляли до трех утра. Мы, естественно, домой не поехали. Нам выделили номер, и мы, усталые как черти, пошли спать. Вернее, это я была усталая и разбитая, потому что пришлось побегать, и с непривычки я раскисла. Варнакова же, напротив, была бодра, глаза блестели. Она выглядела скорее возбужденной, чем уставшей. Я даже позавидовала: в ее-то годы столько энергии!

Мне даже душ не помог – я сразу брякнулась на кровать и провалилась в сон, несмотря на то что директрису тянуло на разговоры. Она явно хотела поделиться какими-то мыслями, но я поступила невежливо и уснула, едва коснувшись подушки.

Проснулась я от весьма странных ощущений. Нет, вру, сначала был сон. Приснилось, что по мне ползает мохнатый паук. Я глаза еще не разлепила, как уже поняла: так оно и есть. Чьи-то руки шарили у меня под простыней и трогали мое тело. Я опешила. Хотя ничего удивительного – все перепились, многие медики были готовы завязать со мной интимные дела прямо во время вечера, не выходя из зала. Ты же помнишь, какая я тогда была – кровь с молоком. Бюстгальтер – третий номер еле-еле сходилась. Ну, в общем, я завизжала. «Мама!» – ору, и «Люда Викторовна» (так Варнакову звали), и слышу только: «Тихо, тихо». Какое там тихо! Ты меня знаешь! Я тумбочку уронила, выключатель нашарила. И тут я ошалела. Стою на кровати, простыню в зубы засунула от ужаса: на моей кровати сидит Варнакова в одних трусах и как собака на меня смотрит: «Тихо, Лиза... Не бойся, Лиза». Это я, мол.

Я как идиотка подумала, бабе плохо. Ну, думаю, перепила на вечере и теперь помирает. Разбудить меня сразу не смогла, искала в темноте на ощупь.

– Что с вами? – говорю. – Врача вызвать?

А она:

– Лиза, ты мне так нравишься, ты такая хорошая, такая красивая, Лиза, я тебя люблю.

И за руку меня опять в кровать тянет. Можешь ты, Ирка, такое себе представить?

– Я тебя хочу, – говорит.

У меня глаза из орбит полезли.

– Это как это? – спрашиваю.

Она заметно воодушевилась (я же вопросы задаю) и начала объяснять, что мужчины – грязные животные, что они не могут понять тонкий мир таких прекрасных созданий, как я, что только она способна оценить мой возвышенный мир и любить меня бескорыстно, отрешенно и преданно. Меня, Ирка, так трясло, как в лихорадке, зубы стучали. Я ведь в свои двадцать лет и понятия такого не знала – «лесбийская любовь». Стояла на кровати и смотрела на нее как на ядовитую змею, у меня волосы от ужаса шевелились.

А Варнакова совсем контроль над собой потеряла – стала подбираться ко мне и за ноги хватать. А сама шепчет и шепчет. И ягодка моя, и цветочек, и ты самая талантливая, и ты красавица моя. И звездой-то она меня сделает и в Москву увезет, а ежели я в Москву не желаю, то за границу.

Я ей говорю: «Если сейчас с моей кровати не уйдете – я в окно выпрыгну». И на подоконник встала. А ночевали мы на третьем этаже. Может быть, и прыгнула бы. Но тут она немного очухалась. Стала меня умолять слезть с подоконника. Даже халат надела – прикрыла свои мощи. Я стою, глаза из орбит. Окно, сама понимаешь, открыто – июнь, жара ведь. Варнакова на колени бухнулась.

– Слезь, – говорит, – цыпочка моя, я пошутила. Уйду, не трону.

И поползла в ванную. Закрылась там. Я вещи похватила и в холл выбежала. Уже светало. До утра там просидела. Домой приезжаю, а там на моей кровати Рукавицын спит, моим халатом махровым накрытый. Они, оказывается, всю ночь гудели, ну и спали все у нас. Потом все разбрелись, а Рукавицына оставили. Он глаза распахнул и воззрился на меня в глубочайшем недоумении.

– Ты, – говорит, – выглядишь, как после землетрясения.

Я в слезы, давай ему все рассказывать. Он принялся ржать. Посмотрела я на него и как дам по морде! Меня этот смех убил. Но Рукавицын не обиделся. Пошарил под кроватью, нашел бутылку водки открытую, налил себе и мне. Опохмелился. Я тоже выпила, потом еще. Когда истерика прошла, я уже могла вместе с ним посмеяться над своим приключением, а час спустя не заметила, как оказалась вместе с Рукавицыным в кровати. Ну и понеслось. Я к нему привязалась, он тоже от меня не отходил. Варнакова отстала, когда увидела, что я с Рукавицыным. Я, конечно, потом узнала, что Санька никакой не голубой и Толик наркотиками не балуется. Вообще много чего узнала.

Лизавета стряхнула с ладони раскрошенный зеленый листок, нашарила ногой босоножку.

– Она так с тобой и работает? – спросила Ирина.

– Что ты! Она теперь модельным бизнесом промышленяет. У нее агентство свое – там ей малина. Жалко бабу. Несчастливая, в сущности, женщина. Ни детей, ни плетей...

На балкон вышла Лизаветина тетка Полина-старшая и позвала:

– Девки, хватит лясы точить, я шарлотку испекла, идите чай пить.

Только теперь Ирина почувствовала, какая она голодная, и они с Лизаветой поднялись и побрели домой.

Ночью, лежа на диване с ровно сопящим Антошкой, Ирина поняла, что уже не сможет отогнать то тревожное чувство, которое нахлынуло на нее, едва ее утренний знакомый переступил порог кафе. На этот раз он был без своих темных очков, и Ирина отчетливо поняла, что уже где-то видела эти внимательные глаза, и отчего-то испугалась.

Глава 5

Битый час Свечников ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть. Все напрасно. Что замечательно, его сосед по номеру, Олег, обычно зверски храпящий по ночам, сегодня спал аки ангел, и злиться за внезапную бессонницу было не на кого.

Кстати, Олег звал его вечером пойти на танцы. Так нет – не захотел. Взбрело в голову прогуляться, в кафе посидеть. Олег из солидарности потащился с ним. Лучше бы уж остались на танцы. Хотя какие танцы с переломом... Видимо, этой встречи было не избежать.

Едва они с Олегом вошли в кафе, Свечниковым овладело смутное беспокойство. Он заметил Антошкину мать с подругой и кивком поздоровался. Ирина была в длинном синем шифоновом сарафане, волосы свободно лежали на открытых плечах. И опять, как и сегодня утром, он пришел к выводу, что уже видел когда-то и эти светло-русые, с пепельным отливом волосы, и задумчивые серые глаза.

Даже движение руки, откидывающей со лба непокорную прядь, показалось ему знакомым. Правда, имя Ирина ему ни о чем не говорило. Были в его жизни и Ирины, и Марины, и Лена была, и Оля, и даже Жанна.

– Тьфу ты! Вот прицепилось! – в сердцах ругнулся Свечников. Он перебрал уже десятки вариантов своего возможного знакомства с женщиной: медсестра в поликлинике? Любовница кого-то из друзей? Проводница в поезде? Стюардесса?

Чем больше версий он строил, тем быстрее они рушились, а загадка становилась все навязчивее. Она уже зудела, болела и требовала, чтобы ее разгадали.

Сергей обернулся, подсознательно надеясь найти ответ на свой вопрос в ее лице, но увидел, что столик, за которым минуту назад сидели девушки, был пуст. Они исчезли.

Олег перехватил его взгляд и посочувствовал:

– Ушли. Как волной смыло. Тебя какая интересует?

– Которая в синем, – отозвался Сергей, не переставая мысленно перебирать варианты: продавщица в магазине? Он ее видел и запомнил, а она его – нет. Да и можно понять – у нее перед глазами столько покупателей... Нет, не то...

Олег причмокнул языком, разливая по рюмкам водку.

– Нет, Сергей, я таких щуплых не уважаю. Вот подруга ее – это да! Это то, что надо. И главное, она тоже на меня поглядывала. Так, знаешь, будто ненароком. Стакан с минералкой подняла и из-за него на меня глазами стреляет. Твоя, в синем, надо сказать, тоже на тебя пялилась. Мне хорошо видно отсюда. Но у нее, видать, живот прихватило. Она, бедная, пулей к выходу сиганула. Ваза с салфеткой упала.

– Убежала? – переспросил Свечников, оглядываясь на столик, за которым пять минут назад сидели женщины. Там стояла бутылка коньяка, ваза с фруктами и совершенно нетронутые пирожные. Понятно, что пиршество оборвалось в самом начале. Подруги не успели ни выпить, ни закусить.

– Говорю тебе – живот схватило, – повторил Олег, принюхиваясь к дымящемуся шашлыку. – Наверняка чем-нибудь несвежим накормили. Понюхай салат.

Свечников машинально понюхал и отодвинул тарелку – салат был свежий. Сергей не любил таких загадок.

Убежала она, естественно, увидев его, Свечникова. Но неужели он произвел на нее такое отталкивающее впечатление там, на яхте, что вечером она шарахнулась от него, как от гангстера?

Ничего подобного. Допустим, днем она приняла его любопытство за ухаживание и была раздражена. Не все любят знакомиться на улице или во время экскурсии, да еще в присутствии детей. Но тогда, на яхте, она была вполне нормальной, даже шутила. Хотя и дала понять, что

недовольна, но держала себя в руках. Вечером же эта дамочка повела себя неадекватно, просто как сумасшедшая. Убежала, уронив на ходу вазу с салфетками.

– Эй! – позвал его Олег. – Ты что заскучал? Ешь, не бойся, я всегда здесь шашлык беру, мясо свежее, я пробовал.

Свечников опрокинул в себя рюмку водки и пожевал шашлык. Мясо действительно было что надо – хорошо прожаренное, пропитанное ароматом специй.

– Слушай, – обернулся Свечников к своему приятелю, – от тебя когда-нибудь девушки убежали?

– В каком смысле? – не понял Олег и уставился на соседа.

– Ну, допустим, ты ее где-то определенно видел. А где – не вспомнишь. А она от тебя вдруг убегает и ни под каким видом не признается, что тоже знает тебя. Бывало?

Олег добросовестно подумал, прожевал шашлык и поковырял спичкой в зубах. Выпил водки и уверенно признался:

– Не-а... Не было. Вот что я убежал – это сколько угодно. Один раз повел девушку в ресторан. А знакомство в самом начале. Еще только букеты-конфеты. Ну, сегодня, думаю, после ресторана попрошусь к ней домой. Входим, и на меня как ушат холодной воды выливают. Там моя жена и весь ее горторг – сослуживца на пенсию провожают. Он-то, юбиляр, меня и заметил. Лицом расцвел, губы в трубочку вытянул. Хотел к столу пригласить, думал, я опоздавший. Я ему всем, чем мог, замахал – и деру. Через два квартала от ресторана про девушку вспомнил...

Он хохотнул и оглянулся, осматривая зал. Через минуту разочарованно вздохнул. Глаз остановить было явно не на ком. Имеющиеся дамы были сплошь в сопровождении кавалеров.

– Да... та, с бюстом, была ничего, – протянул он с сожалением. И вдруг хлопнул себя по коленкам от внезапной догадки. – Так ты что хочешь сказать: эта, в синем, от тебя так сиганула?! Ну ты, Сергей, даешь! Колись – чем так бабу напугал?

Он с любопытством уставился на Свечникова. Разглядывал приятеля, будто впервые его увидел.

– Да не знаю я! – раздраженно огрызнулся тот. – Башку уже сломал.

Олег заинтересованно придвинулся. Налил еще по одной. Наконец заключил:

– Ты с ней спал! Это точно.

– Это почему? – удивился Свечников.

– Допустим, она замужем. И он очень ревнивый. А она, естественно, боится, что ты как-то спровоцируешь...

– Нет, – устало прервал его фантазии Свечников, – всех, с кем я спал, я помню.

– Всех? – откровенно поразился Олег и недоверчиво покачал головой. – Вот уж чем не могу похвастаться, так тем, что всех помню. Иногда проснешься с большого бодуна, глянешь на подушку рядом – там такое чудо опухшее у тебя под боком спит, что ахнешь. Главное, она знает, как меня зовут, а я – хоть убей – не могу вспомнить. Я, чтобы не ошибиться, их «малышка моя» называю.

Свечников отвернулся, глядя в зал, где становилось все более шумно. Он пожалел, что втянул в свою проблему Олега. Того теперь, похоже, не остановить, он начал строить предположения, одно заковыристее другого.

– Ты денег никому займы не давал? – допрашивал он Сергея. – Ну, большую сумму, может быть, давно?

Сергей отмахнулся от Олега.

– Ну, может, ты судился с кем, из-за квартиры, например, – предположил тот, тыча вилок в салат. – А свидетелем по делу какому-нибудь не проходил?

– Пойдем домой, – буркнул Свечников, поднимаясь.

Но не учел, что приятеля так просто не унять.

– Значит, ты что-то ей сделал, – убежденно бормотал Олег, пьяно покачиваясь. – Слушай, ты, гонщик, а в этой твоей аварии последней ты никого того... не покалечил?

Сергей даже остановился. Да за что такое наказание?

– Нет! – едва ли не рявкнул он. – Никого, кроме себя, не покалечил! В тюрьме не сидел. Женщин не насиловал. Хватит, тема закрыта!

И он прибавил шагу. Он не хотел слышать, что там еще наплетет его сердобольный приятель.

Теперь же, маясь без сна и пялясь на полную луну, Свечников позволил себе усомниться в собственной неуязвимости. Он хоть и уверял Олега в том, что ничего такого не совершал, но против безжалостного Свечникова-второго был бессилён. А тот с готовностью стоял над душой и нашептывал: «А ведь врешь... Врешь!»

Чем дальше, тем больше. К двум часам ночи его противный двойник совсем распоясался и язвительно твердил: «Разве ты забыл? Ты убил человека!» «Нет! – жестко возражал Свечников-первый. – Ты знаешь, я не виноват! Суд доказал мою невиновность. Что ты теперь взялся мучить меня?» Но Свечников-второй не хотел его слушать: «Он погиб. И у него остались родственники. Возможно, была сестра или невеста. Поди докажи ей, что ты невиновен...»

Тьфу! Свечников встал и нашел на тумбочке сигареты. Он натянул шорты и вышел в холл. Санаторий спал. Пожалуй, Свечников был единственным, кто вынужден бродить по этому зданию, сражаясь с бессонницей. Он вышел на балкон. Курил и смотрел в небо, снова и снова пытаясь разрешить свой неразрешимый кроссворд. Неужели он видел ее на суде? Но это было так давно...

Неудивительно, что воспоминание о ней так неуловимо. Вообще все, что связано с той историей, Сергей старательно пытался забыть.

Тогда он только начинал... Про него писали: «...молодой, перспективный Сергей Свечников – думающий, стратегический гонщик, не лишенный темперамента».

Был, кажется, третий этап чемпионата. Должен был проходить здесь, на юге, но по разным причинам его перенесли. Вместо теплого юга участники гонок получили промозглый север, где уже три недели шли дожди. Машины ныряли по раскисшим грунтовым дорогам. Зрителей почти не было. Да и не приспособлена была трасса для зрителей. Это потом, много позже, трассу усовершенствовали. Даже трибуны появились. А тогда... Казалось, едешь в какой-то каше, машина не чувствует грунта и поэтому становится как чужая.

Откуда он появился – серый, как осенний ненастный день, – ни сам Свечников, ни его напарник Вовка Лобарев так и не поняли. Возможно, он вышел из леса, и за кустами его не было видно, а может, сидел на земле, а потом внезапно поднялся. Во всяком случае, Свечников ощутил толчок совершенно неожиданно, затем увидел тело на капоте...

Удар, конечно, был сильный – скорость на гонках развивается предельная. Когда остановились, Вовка, бывший афганец, хладнокровно перевернул тело лицом вверх. Сомнений не оставалось – молодой парень, которого они сбили, был мертв. Потом экспертиза показала, что парень находился «в состоянии наркотического опьянения». Бесконечная череда допросов, проверок, наконец, суд запечатлелись в памяти Сергея беспросветным густым туманом. Он мысленно поставил крест на своей карьере автогонщика. Случись это двумя-тремя годами раньше, так оно и было бы, несмотря на оправдательный приговор. Но в стране уже делали свои первые шаги никому пока не понятные перемены, и Свечников вернулся в команду.

Журналист, беседовавший с ним после суда, написал статью о проблеме наркомании, друзья не напоминали Сергею об этой истории ни под каким предлогом. Но он помнил. Этот парень стал его неотвязным страшным сном. Постепенно Сергей справился с собой. Через полгода он снова участвовал в гонках и набрал максимальное количество очков в абсолютном зачете. Он был уверен, что все прошло и это воспоминание никак больше не коснется его.

То, что это заблуждение, он понял в дальнейшем. Ничто не проходит бесследно. Вот опять... Неужели Ирина как-то связана с этим?

...Свечников обнаружил, что сигареты в пачке кончаются, а значит, он сейчас на балконе выполнил свою дневную норму. Нога ныла. Он стал привычным движением массировать ее. Ночь кончилась внезапно. В доме напротив, в общежитии обслуживающего персонала, зажглось несколько окон. Из подъезда стали выходить люди и потянулись к санаторию. «Повара», – догадался Свечников и отправился в номер. Он долго стоял под горячим душем, и когда совсем рассвело, наконец уснул, решив во что бы то ни стало поговорить с Ириной. В том, что он ее увидит снова, Свечников не сомневался.

Глава 6

Мать и сын Архиповы пришли сегодня на пляж пораньше, чтобы занять полюбившееся им место. Но народу уже набежало довольно много. В такую жару все хотели выползти к воде как можно раньше. Антошка уже довольно сносно плавал, и Ирину просто распирало от гордости за сына. Хотя порой его настойчивость в достижении поставленной цели не только восхищала, но и настораживала ее. Ирине казалось, что с таким характером мальчика кругом должны подстерегать сотни соблазнов и опасностей.

Сегодня, например, он решил научиться нырять. Мальчик старательно зажимал нос ладошкой и, подражая ребятам постарше, с головой уходил под воду. Ирина была в ужасе. Она пыталась отвлечь сына от опасного занятия и звала поплавать вместе вдоль берега. Не тут-то было.

Он выпрыгивал из воды, вытаращив глазенки, жадно дыша и улыбаясь. Так продолжалось довольно долго, наконец он внял уговорам матери и они поплыли. Потом Ирина затеяла игру в надувной мяч с кучкой ребятшек. Поднялся ужасный визг.

Прошел катер, и дети стали убегать от волны. Ирине показалось, что они с сыном больше часа не вылезают из воды, но Антошка упрямо не хотел на берег. Он принялся шалить, убегая от матери, и та растерялась. Ну не ругаться же здесь, прямо на пляже?

Да и не могла она ругаться с Антошкой. Обычно они находили общий язык. Сейчас это не удавалось. Придется силком тащить его на берег. Тут она заметила, что Антошка смотрит мимо нее и машет кому-то на берегу. Она оглянулась и не сумела скрыть своей досады: у воды стоял их знакомый, новая встреча с которым ее «обрадовала» в той же степени, как и две предыдущие.

Мужчина же, напротив, казалось, был в восторге оттого, что вновь увидел их, и Ирина смутно заподозрила, что все это не случайно. Она не успела ничего предпринять, как Антошка уже понесся, высоко поднимая коленки, к своему взрослому приятелю. Они поздоровались по-мужски, за руку, и теперь Ирина разглядела у ног мужчины замысловатое сооружение из песка. Это был целый город с башнями, арками и дорогами. Антошка от удивления открыл рот и присел рядом с песочным городом на корточки.

– Я заметил, у вас проблемы, – признался Свечников, когда Ирина приблизилась. – Вот и решил помочь. Присоединяйтесь. Сейчас мы будем строить бассейн.

– Вы, как всегда, вовремя, – не скрывая раздражения, буркнула Ирина. – Вы что, следите за нами?

– Боже упаси! – отмахнулся Свечников, присаживаясь на корточки рядом с мальчиком. – Как все дороги ведут в Рим, так на юге все дороги ведут на пляж... – И, невинно взглянув на нее снизу вверх, добавил: – Вы же не будете против, если мы с Антоном тут немного поработаем?

Ирине нечего было возразить, и она шагнула к своему лежаку. Она легла на спину, нацепив шляпу от солнца и темные очки. Стала наблюдать за сыном. Мальчик бегал от песочного города к воде и обратно. Он носил в ладошках воду для бассейна. Мужчина оторвался от строительства башенки, снял с себя кепку и отдал Антошке. Тот вприпрыжку побежал к морю и через несколько секунд уже осторожно нес назад полную кепку воды.

Когда бассейн был готов, они занялись строительством крепости. Ирина наблюдала за сыном с нарастающим беспокойством. Как он легко пошел на контакт с почти незнакомым человеком! Дети обычно дичатся чужих, а тут... Она ощутила легкий укол ревности: ей казалось, что Антошке никто не нужен, а он глаз не сводит с этого мужика. Вот что значит – мальчик. Вероятно, ему не хватает мужского общества.

Она перевела взгляд на Сергея. Тот с азартом рылся в песке, играя загорелыми мускулами. Он был неплохо сложен, его подтянутая, спортивная фигура была, пожалуй, безупречна.

Если не считать... что-то у него с ногой. Вот и сейчас, сидя на песке, он все старается поудобнее пристроить свою больную ногу. Нет, пожалуй, зря она так переполошилась тогда в кафе: она не могла его знать.

«И что прицепился? – подумала Ирина. – Видит, что я с ребенком. Вокруг столько девушек и помоложе, и поярче меня. Уж мог бы вполне с такой внешностью найти себе что-нибудь поинтереснее...» Нет, она, конечно, допускала, что он мог ее где-нибудь видеть раньше. В свое время, работая в культуре, она ездила по стране. То на повышение квалификации, то на гастроли. Даже за границей пару раз была. Молодежный театр возила в Данию, а в Испанию – хореографический ансамбль.

Теперь, взглядываясь в чуть резковатые черты его лица, она тщетно пыталась вспомнить, где сама могла его видеть. Устав от предположений и ни на одном не остановившись, она перевернулась на живот и постаралась думать о чем-нибудь другом. Когда спину начало припекать, она села и перед ее глазами предстала картина, которая возмутила до глубины души. Напротив красавца – песочного замка – стоял молодой парень с фотоаппаратом и фотографировал Сергея с Антошкой. Кажется, парень уже успел сделать пару снимков на фоне замка, и теперь Сергей посадил Антошку к себе на плечи, а фотограф отошел в поисках ракурса.

«Еще чего не хватало!» – закипела Ирина и решительно направилась к ним. Она протянула руки, чтобы взять сына, но Сергей сам снял его и поставил на землю. Парень достал блокнот, чтобы записать координаты заказчика. Ирина, сверкнув глазами на Свечникова, отвела фотографа в сторону и продиктовала ему Лизаветин адрес. Тот весело кивнул и зашагал прочь с пляжа, видимо, на сегодня снимков было достаточно.

– Что вы себе позволяете? – зашипела Ирина, едва Антошка убежал вымыться от песка. – Я вам не разрешала фотографировать моего ребенка!

– Да постойте вы! – Свечников опешил от такого напора. – Меня никто и не спрашивал. Он подошел и совершенно неожиданно...

– Перестаньте! Я не слепая и видела. Вы позировали фотографу! Послушайте, что, в конце концов, вам нужно от меня и моего ребенка?

– Вы все перевернули с ног на голову! – поразился Свечников.

– Я бы попросила вас оставить нас в покое, – будто и не слыша его возражений, продолжала женщина, – и впредь не попадаться нам на каждом шагу!

– Вот уж позвольте с вами не согласиться! – в свою очередь проскрежетал Свечников. – Лично мне кажется, что вы постоянно попадаетесь мне на глаза! Куда я, туда и вы!

– Что?! – Глаза Ирины стали в два раза больше от такого наглого заявления. – Вот уж не выдумывайте! Это наше место, мы всегда располагаемся в одном и том же месте на пляже, ходим в одну и ту же чебуречную и не ищем приключений!

– Весьма похвально, – отозвался Свечников. – Что же мне прикажете теперь делать? Мы с Антоном подружились. Делать вид, что я его не знаю? Вы мне это предлагаете?

– Да уж придумайте что-нибудь! – быстро бросила Ирина, заметив, что Антошка поглядывает в их сторону. И не удержалась от того, чтобы язвительно добавить: – Как я успела заметить, вы весьма изобретательны!

– Насколько приятен ребенок, настолько неприятна его мамаша, – не удержался Свечников от «комплимента». Вообще-то это было не в его правилах. С женщинами он при любых обстоятельствах старался оставаться любезным или хотя бы вежливым. Но эта истеричка его достала. Даже если он и вспомнит, где они виделись раньше, наверняка воспоминание будет не из приятных. Но заметив, как женщина заливается краской от нанесенного оскорбления, Свечников отвернулся и стал наблюдать за купающимися.

Впрочем, она довольно быстро справилась с собой и парировала:

– Если вы так безумно любите детей, то родите себе своего и занимайтесь им в свое удовольствие!

Свечников вскинул брови и криво усмехнулся:

– Пробовал, не получается. К сожалению, пока это – привилегия женщин.

Антошка уже бежал к ним от воды. Видимо, он услышал концовку разговора, потому что, подбежав, уставился на Свечникова:

– Сережа! Ты разве не можешь родить ребеночка?

Свечников виновато развел руками. Тогда мальчик задумчиво перевел взгляд на мать и открыл рот... Представив, что он сейчас может сказать, Ирина схватила ребенка в охапку и понесла к своему лежаку, не дав попрощаться с «приятелем».

– Антошка! Мы должны бежать домой! И очень быстро! – тараторила она. – Я, кажется, оставила включенный утюг... Надо торопиться, чтобы не было пожара.

– И тогда приедет пожарная машина? – с восторгом отозвался малыш, натягивая носочки.

Они унеслись с пляжа, будто за ними гнались. Свечников с досадой смотрел им вслед. Впервые от него так резво убегала женщина, а он выглядел со стороны самодовольным прилипалой.

Вечером Лиза повела подругу в санаторий, в новый тренажерный зал.

– Посмотришь, как я килограммы сгоняю. – Настроение у Лизаветы было отличное: накануне приходил Рукавицын и принес деньги. Этого было достаточно, чтобы сделать Лизавету оживленной на день-два.

Рукавицын являлся за Полиной по воскресеньям и забирал ее с собой. Точнее, к своей законной жене и старшей дочери. Там девочка, по выражению Лизаветы, «наводила порядки» и «проводила ревизию». Домой Полина возвращалась с неизменной коробкой бесценных сокровищ: оборванных старых бус, значков, лоскутков, открыток.

Подруги прошли через зеркальный холл санатория, миновали мраморно-ковровый, широкий коридор и оказались в просторном тренажерном зале. Он был залит ровным белым светом люминесцентных ламп. Несколько отдыхающих с явным удовольствием корпели на тренажерах.

– Сейчас я тебе одну штучку покажу. Для развития грудной клетки, – шепнула Лизавета и повела Ирину к одному из тренажеров. Ирина все время любовалась подругой – ее пышная фигура излучала такое жизнелюбие, что невольно хотелось подтянуться и не казаться вялой, озабоченной на фоне улыбчивой Лизаветы.

Ирина послушно забралась на указанное ей сооружение и попробовала потянуть на себя штукотину, которая и предназначалась, судя по всему, для развития грудной клетки.

Штукотина поддалась с трудом, и Ирина ощутила, что мышцы и впрямь напряглись, помогая ей справиться с неподатливым снарядом. Лизавета, довольная тем, что нашла подруге как раз то, что надо, огляделась. Ее тренажер был занят. На нем крутил педали мужчина в синих шортах и белой майке. Видимо, он занимался давно и не давал себе поблажки: майка на спине насквозь промокла, да и голова казалась влажной, как после бани.

Ирина довольно долго добросовестно мучилась со своим снарядом и наконец позвала:

– Лиза! Может, я что-то не так делаю? Давай показывай мне.

Лизавета с видом знатока взгромоздилась на тренажер, умудрившись при этом почти не наделать шуму. Стала учить подругу, изрядно комментируя свои действия. Наконец Ирина не выдержала и расхохоталась над спортивным азартом пышной Лизаветы. На них обернулись сразу несколько человек, в том числе и мужчина с велотренажера. Ирнин смех застыл на губах: опять он!

Через секунду она осознала, что выглядит не совсем подходяще со своей открытой улыбкой. В этой ситуации улыбку, скорее, можно счесть идиотской. Она немедленно убрала ее с лица. Мужчина, в свою очередь, лишь повел бровью и чуть заметно пожал плечами. Слез с тренажера, не спеша достал из спортивной сумки полотенце и стал вытирать лицо и шею, на

которых блестели капельки пота. Удивился ли он, встретив ее здесь? Обрадовался? Огорчился? Его непроницаемость злила.

Ирина внутренне собралась, ожидая какого-нибудь язвительного замечания с его стороны, но напрасно. Сергей бросил в сумку полотенце, перекинул лямку через плечо и, слегка кивнув Ирине, направился к выходу.

Настроение было испорчено. Заниматься расхотелось. Ирина села на мягкий ковролин, дожидаясь Лизавету.

Выходит, он отдыхает в этом санатории. Значит, он так и будет мелькать перед глазами, заставляя Ирину каждый раз вздрагивать при своем появлении. А она – мучить себя вопросом: где и при каких обстоятельствах она его видела? Это ужасно. Самое непонятное, так это те необъяснимые ощущения, которые Ирина улавливала в себе при его появлении. Это сочетание тревоги, смятения и... интереса. Был ли мужчина неприятен ей? Нет. Скорее – напротив. Именно это и настораживало. Ведь если человек тебе не противен, откуда тогда чувство тревоги, словно хочется спрятаться, исчезнуть, стать невидимкой? Чертовщина какая-то! Ничего подобного Ирина никогда раньше не испытывала. Сомнений почти не оставалось: когда-то он мелькнул в ее жизни, оставив этот замысловатый след в подсознании. Но когда? Где?

Едва выйдя из тренажерного зала, подруги поразились резкой перемене погоды, которая произошла за окнами холла. Стало совсем темно: то ли от наступившего вечера, то ли от туч. Ветер гнул деревья и очумело носил в воздухе обрывки газет и какие-то предметы. Подруги опешили. В тренажерном зале были лампы дневного света и совершенно отсутствовали окна, поэтому теперь казалось, будто стихию «включили» внезапно, и вот она хвастливо демонстрирует всю свою мощь.

Неожиданно в холле воцарилась тьма: отключилось электричество. На предложение Лизаветы переждать непогоду Ирина лишь головой покачала: она боялась за сына.

Расстояние от санатория до малосемейки женщины прошли, вцепившись друг в друга, едва удерживаясь на ногах. Дома было все в порядке. Если не считать того, что дети были возбуждены до предела.

– Мама! Скорее! Сейчас бояться будем! – завопил Антошка и потащил мать к окну.

Там на табурете восседала Полина и подвывала непогоде, усердно надувая щеки.

– За домом карагач повалило, – сообщила тетка. – Электричества, наверное, сегодня не будет.

Ужинать сели в темноте, со свечкой. Балкон гремел, как поезд на стыках.

– Могу поспорить – дождя не будет, – заявила Лизавета, обводя всех торжествующим взглядом.

– Ну да?! – недоверчиво протянули Ирина и Полина-старшая.

– Уж можете мне поверить! Я эту погоду местную изучила. Сейчас вот так погремит, пару крыш с частных домов сдернет. Ну, дерево уже повалил. И так, насухую, утихомирится.

– Не верю! – заявила Ирина. – Дождь будет!

– Будет, – поддержала тетка.

– Не будет! – повторила за матерью Полина, и все уставились на Антошку, ожидая, на чьей стороне он выступит.

Антошка, приоткрыв рот, глазел на пламя свечи, сонно хлопая ресницами. Заметив, что на него смотрят, он оторвал взгляд от пламени и поднял глаза на мать.

– Мама, а я того дядю в журнале нашел.

– Какого еще дядю? – не поняла Ирина.

– Серēju. С которым мы в песочек играли.

– Это в каком журнале? – встряла Полина-старшая. – «За рулем», что ли, который я тебе давала?

Антошка сонно кивнул.

– Какие еще журналы? – непонятно отчего заволновалась Ирина.

– Это Рукавицына журналы старые. Автолюбитель хренов, – пояснила Лизавета, собирая посуду. – Я ему, как путному, журнал, дура, выписывала. Запчасти для машины покупала. Где она теперь, та машина! – Она поставила посуду в раковину и вытерла со стола. – А журналы я Полине отдала. Она картинки вырезает. Да смотри, он спит у тебя совсем...

– Антошка, почему ты решил, что там – дядя Сережа? – не унималась Ирина. – Наверное, просто похож кто-нибудь.

– Да сейчас принесу, – вызвалась тетка. – Я знаю, где лежит, он мне давеча показывал.

Ирина отнесла сонного сынишку на диван и вернулась на кухню. Лизавета отправилась укладывать Полину.

Тетя Поля слюнявила палец и сосредоточенно листала потрепанные страницы.

– Вот! – наконец нашла она и ткнула пальцем в большой цветной снимок.

Ирина поспешно выхватила журнал. Это был он. Он стоял, облокотившись одной рукой на капот машины, другой – высоко над головой поднимая серебряный кубок. Жесткие выгоревшие волосы упрямо торчали, придавая гонщику очарование озорного мальчишки. Ему очень шел темно-синий спортивный комбинезон, прошитый ровными квадратами. Синий костюм почти сливался с ярким фоном неба, и от этого казалось, что пилот парит среди облаков, опьяненный своей победой.

Нервными движениями придвинув свечу и чуть не затушив пламя, Ирина торопливо прочла комментарий к снимку: «...Выиграв главный приз третий год подряд, Сергей Свечников стал трехкратным победителем именитых соревнований „Серебряный кубок“».

Дальше уголок страницы был оторван, и надпись было не прочесть. Ирина прикурила от свечи, снова и снова вглядываясь в фотоснимок.

Сомнений быть не могло. Она его узнала. Только там, на снимке, черты лица были немного мягче.

«У него тогда не было шрама», – поняла Ирина. У Свечникова-сегодняшнего был на лице небольшой шрам, рассекавший левую бровь и тянувшийся к виску. Он придавал лицу некоторую резкость. Да еще теперь по уголкам рта лежат две прямые складки. На фотографии их нет. И тогда, давно, она этого не заметила – их подарило время. Ирина заходила по кухне, не находя себе места. За окном бушевала неукротимая стихия, подобная той, что творилась у женщины в душе. Она не могла стоять на месте. Пальцы выстукивали дробь по оконному стеклу, ноги стягивало судорогой.

«Что делать?» – вихрем несло в голове. Не понимая зачем, она стала лихорадочно листать журналы, отыскивая колонку «Спорт». Почти в каждом журнале она находила хоть несколько слов о Сергее. «Зачем я это делаю?» – мелькнуло в голове. Но как преступника влечет на место преступления, так Ирину неудержимо влекло к себе любое упоминание о нем. Она, никогда не сталкивавшаяся с понятиями «ралли», «Формула-1», «кольцевая гонка», «автокросс», как пылесос втянула в себя все эти символы, отыскивая среди них два слова – Сергей Свечников.

«Ехать!» – решила Ирина через два часа, уже окончательно очумевшая от дум и выкуренных сигарет. – Завтра же соберусь. Лизе навру что-нибудь про магазин. Придумаю звонок от Никитиных».

Она выдрала из журнала большой потрет Сергея, свернула его трубочкой и поднесла к пляшущему пламени свечи. Но в последний момент ее охватил внезапный суеверный страх, и она отдернула руку. Торопливо сунула портрет в карман халата и сложила журналы. Дождь так и не начался.

Глава 7

Антошка вспомнил про своего зайца сразу, как только проснулся. Заяц был забыт в песочнице за домом, когда начался ветер. Сначала они с Полиной строили дом из битых кирпичей, а потом посадили туда зайца. Потом пришла баба Поля и принесла груши. Пока ели груши, поднялся этот страшный ветер, и баба Поля подхватила их с Полиной, и они побежали. Панамку сорвало ветром, но баба Поля не велела ее догонять. И сама не побежала, а посадила их с Полиной смотреть журналы и стала закрывать все форточки и балконную дверь. А заяц-то остался! Про него никто и не вспомнил... Вчера, когда они с Полиной понарошку боялись дома, заяц боялся по-настоящему, в своем маленьком доме в песочнице.

При этой мысли нижняя губа Антошки затряслась, а глаза покраснели. Мама крепко спала рядом. Дома было тихо: тетя Лиза повела Полину в детский сад, баба Поля ушла в санаторий. За окном сияло солнце, будто вчерашняя непогода просто приснилась. Антошка вылез из-под простыни и огляделся. Футболку он нашел сразу – она висела на стуле. Шорты пришлось поискать. Он нашарил рукой под диваном свои джинсовые тапочки и сунул в них ножки. Запасную панамку искать не стал. Тихонько открыл дверь и вышел в длинный коридор малосемейки.

Во дворе санатория шла уборка – вчерашний ветер довольно напакостил. Антошка прошел к песочнице и ахнул: прямо на ней, упираясь всеми корявыми ветками, лежал огромный карагач! Мальчик растерялся: еще вчера дерево было целехонько и крепко стояло, бросая на песочницу прохладную тень. И вот под густой листвой дерева не было видно ни домика, ни тем более зайца. Антошка обошел дерево и перелез через толстый ствол. Теперь можно было разглядеть сквозь листву грязно-белое велюровое ухо. Мальчик поднялся на бордюр песочницы и остановился в раздумье. Теперь он сообразил, с какой стороны можно подлезть под корявые ветки, но тут увидел длинную черную проволоку: она тянулась через всю песочницу, уходя дальше, в траву.

Он нагнулся, чтобы убрать ее, уцепился двумя ручонками, и в ту же секунду ощутил мощный удар, пронзивший тело. У чудовищной, разящей силы был цвет – белый. Слепящий свет вмиг превратил зеленый мир в однотонный белый экран. Неведомая ребенку мощь вцепилась в него миллионом безжалостных иголок и стала трясти его, от макушки до кончиков пальцев ног.

Антошка услышал только лязг собственных зубов. Позвать на помощь он не мог. Мальчик не сразу сумел понять, что кто-то посторонний – большой и сильный – подхватил его под мышки и пытается отодрать от страшного провода...

Свечников увидел Антошку из окна своего номера. Он не подозревал, что Ирина с сыном живут в малосемейке. Вспомнив Ириныны раздраженные глаза, он только пожал плечами. Мальчик вышел из подъезда и некоторое время постоял, глядя вокруг. Свечникову показалось странным, что мать не появилась вслед за мальчиком. Судя по наблюдениям Сергея, она была типичной клушкой. Или она изменила своим привычкам, или мальчик ушел самовольно. Повинуясь идущему извне странному, непонятному толчку, Сергей поднялся и вышел на улицу. «Куплю газету», – объяснил он свои действия Свечникову-второму, который вопросительно ворохнулся внутри.

Сергей прошел мимо малосемейки, направляясь к киоску «Союзпечать». Мальчик разглядывал поваленное дерево, подходя к нему с разных сторон. Ну гуляет ребенок и гуляет...

Уже отойдя от киоска, Сергей заметил неестественную позу Антошки: он странно тряс головой, держась обеими руками за подобие веревки. А может, проволоки... Провод!

Свечников очутился рядом в три гигантских прыжка. Он подхватил ребенка и мигом сам оказался во власти жестокой силы электричества. Свечникова трясло. Мальчик же мертвой

хваткой держал провод, и Сергею никак не удавалось разжать ребенку кулачки. Наконец он мощным рывком оторвал Антошку от провода, и они оба откатились на траву.

Сергей увидел, что с разных сторон к ним бегут люди, и среди них Антошкина мать, бледная как привидение. Сергей поднялся, взял Антошку на руки. Мальчик вцепился в него изо всех сил, пряча перепуганное лицо в Сергеевой рубашке.

Ирина бежала, но за несколько шагов остановилась как вкопанная. И вдруг, неловко махнув рукой, стала оседать на траву... То, что Ирина упала в обморок, Свечникова нисколько не удивило. Он и сам был на грани чего-то подобного. Иринина подруга Лизавета позвала мужиков, Ирину подняли и понесли домой, прочь от опасного места. Лизавета послала соседку за врачом, крикнула, чтобы прислали электриков. Причем сопровождала Лизавета свои поручения коротким, как удар хлыста, матом.

И надо же! Через несколько минут приехала аварийная служба – работать с испорченным проводом. Кто-то распиливал карагач, к подъезду бежал врач из санатория.

А Сергей все стоял, держа на руках потрясенного Антошку, и продолжал шептать ему что-то в ухо, без труда находя нужные и понятные ребенку слова.

Наконец Антошка глубоко вздохнул и, оторвав лицо от Сергея, посмотрел тому в глаза. Сергею показалось – эти карие вишни глянули напрямиком в сердце, и он сказал:

– Долго жить будешь, старик.

Свечников привел Антошку домой, когда врач уже уходил.

Лизавета захлопотала вокруг Сергея. Объявила:

– Сейчас будем чай пить. – И помчалась на кухню, уронив по пути телефонный аппарат.

Врач осмотрел растерянного Антошку, что-то сказал Лизавете и ушел.

Ирина лежала на диване, закрыв глаза. Ее пепельные волосы раскинулись по подушке, губы были полуоткрыты, и Свечников, едва взглянув на нее, все сразу вспомнил. Недостающие части картинки нашлись, кроссворд был отгадан. Он вспомнил и лицо на подушке, ему казалось, что он знает, как пахнут эти мягкие волосы, и что он знает, каковы они на ощупь. Сразу же откуда-то из памяти поднялся запах прелой листвы, барабанная дробь дождя за окном, прилипший к стеклу кленовый лист.

– А заяц там остался, в песочнице, – вывел его из задумчивости Антошка.

Свечников секунду смотрел на него, силясь понять, о чем речь, а потом уверенно произнес:

– Я его достану, ты не переживай. Идет?

И они хлопнули по рукам. Услышав голоса, Ирина широко распахнула глаза.

– Антошка! – быстро позвала она, и мальчик с готовностью забрался к матери на кровать.

Ирина заплакала, покрывая сына поцелуями.

Свечников тихонько вышел в коридор. Из кухни высунулась удивленная физиономия Лизаветы.

– Я завтра приду, – ответил он на ее немой вопрос и закрыл дверь.

Сергей долго сидел на лавочке под их окном, потом сходил за дом, достал Антошкиного зайца. Не зная, куда себя деть, отправился на Морской вокзал. Там, наблюдая неспешную жизнь теплоходов и катеров, он вспоминал ту странную осень.

Тогда только закончился чемпионат, и команда отдыхала в уютном санатории. В «Озерках». Место красивое – лес, озеро, тишина. Недаром в свое время сюда наезжали партийные боссы, а в межсезонье здесь набирались сил спортсмены и мелкие сошки – местные административные работники.

Шикарные номера-люкс, зимний сад, несколько баров, сауна, тренажерный зал, бассейн – все как надо. Ребята из команды развлекались кто как мог. Восстанавливали энергию в бассейне, на шашлыках, на рыбалке. По вечерам завязывали скороспелые курортные романы.

Свечников испытывал один из приступов своей осенней хандры, когда вдруг непрошено-незвано из мутных глубин подсознания всплывала та злополучная промозглая трасса и открытые, затуманенные наркотой глаза мертвого парня стояли перед мысленным взором навязчиво, как галлюцинации.

Расслабиться не получалось. В такой период алкоголь только обострял в нем воспоминания, и он боялся пить. Вовка Лобарев один знал о его осенних депрессиях и, так уж вышло, привел Сергея в группу психологической реабилитации. Тогда это только входило в моду. Кабинет психотерапевта был в соседнем корпусе, где вообще размещались все процедурные кабинеты.

В комнате в мягких кожаных креслах сидели отдыхающие, звучала приятная тихая музыка, а женщина-психотерапевт монотонно произносила заученный текст. Нужно было закрыть глаза и ни о чем не думать.

Но у Сергея ничего не получалось. Почему-то раздражал этот ровный до равнодушия голос, объявляющий, что сейчас все проблемы уйдут и наступит хорошее настроение. Он открыл глаза и огляделся.

Мужчина в кресле рядом спал, открыв рот. Тучная дама на диване у входа сидела, безвольно свесив руки, и медленно крутила головой «вокруг своей оси». Девушка, которая сидела напротив Сергея, похоже, испытывала то же, что и он сам. Она сидела в кресле, откинув голову назад, и широко открытыми глазами глядела в потолок. Пальцы напряженно сжимали мягкую кожаную обивку кресла. Не нужно было приглядываться, чтобы понять: человек не может расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.